

НОВОЗАВѢТНАЯ ПѢСНЬ ЛЮБВИ

сравнительно съ „Пиромъ“ Платона и „Пѣснью Пѣсней“.

(окончаніе).

Новозавѣтная Пѣснь Любви начинается тѣмъ, чѣмъ кончаютъ язычество и Древній Завѣтъ:

„Ревнуйте ¹⁾ (жъ) о дарахъ наибольшихъ,

И еще превосходнѣйшій путь покажу вамъ“.

Намъ уже извѣстны дары языческаго Эроса и маніи: философія, искусство, наука. Мы знаемъ и дары ветхозавѣтной любви и благодати Божіей: пророчество, поэзія, ученіе.

¹⁾ Ревность въ хорошемъ смыслѣ, какъ духовный огонь любви (Евр. 10, 27), наивысшее напряженіе и проявленіе ея силы и дѣйственности. Качества ея зависятъ отъ свойствъ самой любви. Въ языческомъ эросѣ это—бурный взрывъ страсти, доходящей до изступленной маніи и грызущей сердце зависти,— до истребленія предмета любви, себя самого и другихъ. Въ ветхозавѣтной агапѣ это — гнѣвъ изъ-за предмета любви, также доходящій до бурныхъ обнаруженій всеокрушающей энергіи: Иисусъ Навинъ, пророкъ Илія, Іезуи, Савлъ въ іудействѣ (Гал. 1. 14; Филип. 3, 6 ср. Рим. 10, 2 др.),—человѣкообразное проявленіе гнѣва Бога (Втор. 6, 15), какъ огня истребляющаго, какъ Ревнителя, отмщающаго на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода за вину отцевъ, ненавидящихъ Его, и отвергающаго милости Свои до тысячи родовъ любящихъ Его (Исх. 20, 5; Втор. 5, 9; 4, 24; Наум. 1, 2 др. ср. Пѣснь Пѣсн. 8, 6—7). Въ любви новозавѣтной это—даръ божественной благодати и милости (χαρις), всѣхъ считающей для себя милыми и тѣмъ умиляющей и другихъ въ отношеніи къ Богу, людямъ и себѣ самимъ,—пламенная любовь ко всему божественному и въ частности—къ наивысшему проявленію божественнаго Духа въ людяхъ—къ дарамъ духовнымъ. Новозавѣтная ревность какъ и любовь не знаютъ гнѣва (Матѣ. 5, 22; Еф. 4, 26),—

Апостолъ говоритъ о тѣхъ же дарахъ духовныхъ: ума (слово мудрости, слово знанія, ученіе, различеніе духовъ, истолкованіе языковъ, откровеніе, пророчества, вѣра созерцательная), чувства (служенія, исцѣленія, языки, псалмы, вспоможенія) и воли (силы и ихъ дѣйствія, чудотворенія или вѣра чудодѣйственная, управленія). Апостолъ ставитъ эти дары также подъ покровительство любви, но любви превосходнѣйшей, новозавѣтной, а не самолюбія и гордости языческаго эроса или необузданной и не по разуму ревности іудейской.

И эту любовь Апостолъ называетъ „еще превосходнѣйшимъ путемъ“ или „по преимуществу путемъ“. Путь языческаго эроса у Платона останавливается на орбитѣ между идеальнымъ и реальнымъ, личнымъ и безличнымъ, божественнымъ и человѣческимъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ ясно созерцается и выполнѣ выражается только любовь человѣка къ Богу, т. е. путь любви снизу вверхъ, отъ земли къ небу, человѣческая половина пути, но не проявленъ верхній конецъ пути, отъ Бога къ человѣку, съ неба на землю ¹⁾. Апостолъ какъ бы становится на эти конечныя точки языческаго и ветхозавѣтнаго пути любви и своимъ духовнымъ взоромъ созерцаетъ въ превысшихъ странахъ другую, дальнѣйшую и превыспреннѣйшую, половину пути, ведущую за предѣлы всѣхъ орбитъ и всѣхъ небесъ, по коей любовь Божія движется навстрѣчу любви человѣческой, какъ іудейской такъ и языческой, когда она дѣйствуетъ въ предѣлахъ истины, добра и красоты. Онъ намѣренъ *показать* именно этотъ ис-

они трости надломленной не сокрушаютъ (Матѣ. 12, 8), — благотворятъ всѣмъ—добрымъ и злымъ, друзьямъ и врагамъ (Матѣ. 5, 44 сл.), не мстятъ (Матѣ. 5, 38 сл. Рим. 12, 17), полагаютъ жизнь свою за другихъ (Іоан. 10, 15; 15, 13; Рим. 9, 3 др.), — духъ новозавѣтной любви и ревности выражается не въ мстительномъ и истребительномъ огнѣ Иліи, но въ спасеніи всѣхъ (Лук. 9, 54 — 56; Іоан. 3, 17; 1 Кор. 9, 22 др.), — ревность Господа Христа не шла далѣе очищенія храма посредствомъ изгнанія изъ него иерарзумныхъ животныхъ, опрокинутія столовъ и разсѣянія денегъ у мѣняль (Іоан. 2, 15),—и гнѣвъ Его не простирался далѣе „гнѣвнаго взора“ соединеннаго „со скорбію“, и неудовольствія или негодованія (Марк. 3, 5, 10, 14), — выразителемъ такой же ревности является и самъ Апостолъ Павелъ, „ревновавшій ревностію Божіею“ о своихъ духовныхъ чадахъ (2 Кор. 11, 2) и „воспламенявшійся за всѣхъ, кто соблазнялся“ (2 Кор. 11, 29).

¹⁾ Ср. Іоан. 1, 51.

тинный и вѣрный путь, по коему должна направляться наша духовная жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Этотъ *наипривосходнѣйшій путь*, или *по преимуществу путь*, — путь всѣхъ путей и начало всѣхъ началъ,—есть *Любовь*.

Кто знакомъ съ психологіей мысли Апостола, для того ясно, что въ этомъ двустипіи вмѣстѣ съ заключеніемъ предшествующаго дана тема и для дальнѣйшаго. Это—эпилогъ къ разсужденію о дарахъ духовныхъ вообще и *прологъ къ пѣсни о любви* ¹⁾.

Въ слѣдующихъ затѣмъ *трехъ строфахъ* воспѣвается этотъ наипривосходнѣйшій путь, соотвѣтственно Сократовой рѣчи въ Симпосіонѣ съ трехъ сторонъ и въ трехъ отношеніяхъ: значеніе или дары любви, свойства любви и существо любви ²⁾.

Первая строфа: о *дарахъ Любви и ея значеніи для человека*.

„Если я ³⁾ языками
Людей глаголю,
И (даже) ангеловъ,—
Любви же не имѣю:
Являюсь мѣдью я звенящей,
Иль кимваломъ звучащимъ.

* *
*

И если я пророчество имѣю,
И знаю тайны всѣ я,
И всю науку,—
И если вѣру всю имѣю,
Чтобъ горы представлять,—
Любви же не имѣю:
Ничтоженъ (ничтожность) я.

* *
*

И если все раздамъ имущество свое,
И если тѣло я предамъ свое,

¹⁾ Въ 14 главѣ рѣчь уже не вообще о дарахъ духовныхъ, но о сравнительномъ значеніи двухъ даровъ—пророчества и языковъ.

²⁾ Детальное изученіе Платона и Филона уже давно убѣдило насъ въ томъ, что Ап. Павелъ былъ знакомъ съ твореніями этихъ философовъ. Не надо забывать и Аполлоса (Дѣян. 18, 24—28; 19, 1 сл. ср. 1 Кор. 1, 12,—3, 5 сл. 4, 6,—16, 12,—Тит. 3, 13). Ср. Phaedr. 265. В.

³⁾ коли.

Чтобъ быть сожженнымъ мнѣ,—
 Любви же не имѣю:
 Нѣтъ пользы мнѣ“.

Языки людей и ангеловъ: наивысшіе дары *чувства*, во главѣ съ даромъ вдохновеннаго слова и невыразимаго на чело-вѣческомъ языкѣ духовнаго восторга. На языкѣ Платона это будетъ: божественная манія пѣвцовъ и поэтовъ, вдохновенно-пророчественныя вѣщанія Сивиллы и изступленно-восторженныя изреченія Пифіи, вообще поэзія людей и боговъ—даръ, какъ мы знаемъ, Великаго Эроса. Въ Ветхомъ Завѣтѣ наивысшимъ проявленіемъ дара языковъ могутъ служить—человѣческихъ: пѣснь Маріамы, Псалмы Давида, Пѣснь Пѣсней Соломона и нѣкоторые отдѣлы пророческихъ книгъ,—ангельскихъ: пророческіе восторги до вышнихъ небесъ, созерцаніе неприступной славы Божества, видѣнія Херувимовъ и Серафимовъ съ ихъ дивными пѣснопѣніями ¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ: псалмы, гимны и пѣсни духовныя ²⁾, куда принадлежитъ и толкуемая Пѣснь Любви ³⁾, — религіозный восторгъ до третьяго неба и слышаніе здѣсь неизреченныхъ глаголовъ, коихъ нельзя выразить человѣческимъ словомъ ⁴⁾,—экстазъ безъ словъ, вдохновенный ритмъ звуковъ и голоса безъ внятныхъ и удобоповятныхъ рѣченій ⁵⁾. Гомеръ, Давидъ и самъ Апостолъ были бы ничто, если бы въ нихъ не горѣлъ лучъ Божественной Любви.

Пророчество, тайны, наука и въра: дары ума. Пророчество, какъ откровенное постиженіе истинъ и сообщеніе ихъ другимъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе ⁶⁾. *Наука*, какъ познаніе тайнъ міровой жизни и божественныхъ законовъ міроуправленія. *Вѣра* — наивысшее проникновеніе человѣческаго духа въ божественныя тайны, доходящее до усвоенія имъ себѣ чудотворной силы управлять законами природы и переставлять горы ⁷⁾. Всѣ эти дары ума суть дѣло того же таинственнаго и могущественнаго покровителя—Любви, безъ

¹⁾ Иса. 6, 1 сл. Іер. 1, 4 сл. Іезек. 1, 1 сл. 10, 1 сл. Дан. 7, 1 сл. др.

²⁾ Ефес. 5, 19; Кол. 3, 16.

³⁾ Ср. Лук. 1, 42—55; 68—79; 2, 14; 29—32,—1 Тим. 3, 16 др.

⁴⁾ 2 Кор. 12, 2—4; Апок. 14, 2 сл. и др.

⁵⁾ 1 Кор. 14 гл. ср. Рим. 8, 15. Гал. 4, 6.

⁶⁾ 1 Кор. 14, 4—5. 24—25.

⁷⁾ Матѣ. 21, 21; 1 Петр. 1, 12; Евр. 11 гл. Римл. 4 гл.

коей Платонъ, Соломонъ, Ап. Павелъ, всѣ мудрецы были бы ничтожествомъ и не научили бы человѣчество никакой истинѣ, никакому благу.

Будутъ бесполезны и всѣ, даже самыя наивысшія, проявленія *воли* — въ жертвахъ не только имуществомъ, но и самою жизнію своею, если это не плодъ Любви, а дѣло гордости, тщеславія, самолюбія, — или же увлеченіе слѣпой страсти и минутнаго аффекта.

Апостолъ ставитъ здѣсь условіе какъ возможное въ дѣйствительности, имъ ожидаемое и предполагаемое ¹⁾. *Ничтожество*—вотъ настоящее имя всѣмъ этимъ Валаамамъ, Навуходоноссорамъ, Геростратамъ, Симонамъ магамъ, Неронамъ и тьмамъ темъ пріобрѣтшихъ себѣ достойную неизвѣстность великихъ самолюбій, не окрилявшихся духомъ Любви.

Вмѣсто Эроса, коего порожденіями Платонъ считаетъ духовные дары въ людяхъ, Апостолъ ставитъ высшее, могущественнѣйшее и болѣе божественное начало — Агапу. А вмѣсто отвлеченнаго и общаго ихъ начала въ Древнемъ Завѣтѣ—Божественной Сущности или Ягве, Апостолъ указываетъ на болѣе конкретное и опредѣленное свойство Божества—любовь. Въ отношеніи къ эллинизму онъ возвышаетъ любовь изъ эроса въ агапу, а въ отношеніи къ Древнему Завѣту онъ какъ бы понижаетъ ее и изъ недоступныхъ высотъ Божества приближаетъ къ человѣчеству, представляя Того, Кто есть „Сый—Ягве“, Тѣмъ, Кто есть—„Любовь—Отецъ и Сынъ и Духъ“.

Вторая строфа: *свойства и проявленія любви человѣческой и божественной.*

Любовь долготерпитъ ²⁾.

* *
*

Милосердуетъ Любовь,
Не завидуетъ Любовь.

* *
*

Не превозносится,
Не надмѣвается.

* *
*

¹⁾ Ср. 1 Кор. 4, 15, — Blass Gramm. d. Neut. Griechisch, 2 Aufl. 65. 4. 2. S. 218, — Winer-Lünemann 7-te Aufl. 41. 6. 2. b. S. 275.

²⁾ Великодушна. Этотъ стихъ представляетъ тему всей строфы.

Не знаетъ безобразія,
 Не ищетъ своего,
 Не прогнѣвается,
 Не мыслить зла.

* *
 *

Не радуется о неправдѣ,
 А сорадуется истинѣ.

* *
 *

Все покрываетъ,
 Всему вѣруетъ,
 Всего надѣется,
 Все переноситъ.

Всѣ эти свойства любви проявлялись конечно и въ дохристіанскомъ человѣчествѣ, какъ у язычниковъ такъ и у іудеевъ ¹⁾. Иначе пришлось бы признать, что въ дохристіанскомъ человѣчествѣ не было Бога. Но на этихъ свойствахъ истинной любви лежало покрывало человѣческаго эгоизма, которое въ Новомъ Завѣтѣ снимается Христомъ ²⁾. Въ язычествѣ они ограничивались естественными влеченіями Эроса, а въ іудействѣ кромѣ того еще опредѣлялись страхомъ предъ Богомъ и Его ревностію о святости Израиля ³⁾. Но они не освѣщались богочеловѣчествомъ Иммануила, возглавившаго Собою все во единомъ тѣлѣ, соединившаго небо съ землею и такимъ образомъ разширившаго силу любви до божественной всеобъемлемости ⁴⁾.

Долготерпѣніе, милосердіе и отсутствіе зависти ⁵⁾ простирались только до той черты, что отмѣчала *эгоистичную область любви* отъ остального человѣчества. Для языческаго Эроса такою чертою служила красота, согласіе и стройность во всемъ, слѣдовательно тутъ не было мѣста любви къ чему либо враждебному, вносящему раздоръ въ личное благополучіе, нестройному. Любовь къ врагу здѣсь психологически не возможна, — Эросъ можетъ только ненавидѣть своихъ

¹⁾ Іоан., 1, 10—11, — Рм. 1, 19 сл. Евр. 1, 1 сл.

²⁾ 2 Кор. 3, 14—16.

³⁾ Мѡ. 5, 43—47; 1 Іоан. 4, 18; Лев. 19, 2 ср. Мѡ. 5, 48.

⁴⁾ 1 Кор. 15, 28; Еф. 1, 10. 22—23; Кол. 1, 20 др. мн.

⁵⁾ Къ зависти ср. Филип. 1, 15, — въ отличіе отъ ревности въ хорошемъ смыслѣ. См. выше, прим.

враговъ. Ветхозавѣтная агапа хотя и переходила за черту *личнаго* эгоизма, но не *народности* и неразрывно съ нею соединенной *религіи*, ограничиваясь ближнимъ своимъ ¹⁾. Даже наивысшій выразитель религіозно - нравственныхъ чувствъ ветхозавѣтнаго человѣчества Давидъ проклинаетъ враговъ Божіихъ, а слѣдовательно и своихъ, призывая на нихъ всѣ ужасы божественнаго гнѣва и мщенія ²⁾. Не говорю уже о 136-мъ псалмѣ. Если въ язычествѣ любовь ограничивалась только любящимъ любящаго, а въ іудействѣ — любящимъ Бога и Израиля, то въ христіанствѣ она расширяется до божественныхъ предѣловъ любви ко врагамъ, какъ Отецъ Небесный повелѣваетъ Своему солнцу восходить надъ злыми (т. е. врагами Бога) и добрыми ³⁾.

Не превозносится, не надмѣвается. Гордость, какъ мы знаемъ уже, есть одна изъ главныхъ доблестей, сообщаемыхъ чело-вѣку Великимъ Эросомъ, которую Ап. указалъ въ числѣ другихъ пороковъ язычества ⁴⁾. Похвальбу своими мнимыми превосходствами надъ язычниками Апостоль отмѣчаетъ также и какъ одну изъ національныхъ особенностей Израиля ⁵⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ, напротивъ, всякая похвала и превозношеніе уничтожены вѣрою въ Іисуса Христа — Спасителя всѣхъ людей ⁶⁾. Для эллиновъ существовали варвары и скиѣ, рабы и свободные, мужескій полъ и женскій. Для іудеевъ міръ раздѣлялся на Израиля и язычниковъ, обрѣзаніе и необрѣзаніе, подзаконныхъ и беззаконныхъ ⁷⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ ни эллина ни іудея, ни обрѣзанія ни необрѣзанія, ни варвара ни скиѣ, ни раба ни свободного, ни мужескаго пола ни женскаго, а есть только новый, созданный по Богу и Христу, чело-вѣкъ духовный, ибо всѣ одно во Христѣ Іисусѣ и все и во всемъ Христосъ и Богъ ⁸⁾.

¹⁾ Лев. 19, 17 — 18, — Втор. 10, 19; 23, 3. 6, — 25, 18 — 19, — Притч. 20, 22, — 24, 24 др. ср. Богословскій Вѣстникъ за 1890 г. въ статьяхъ: „Евангеліе по Маттею“.

²⁾ Псал. 68, 23—29 ср. 9, 13, — 10, 5—6 др.

³⁾ Мѣ. 5, 43—48.

⁴⁾ Рим. 1, 30.

⁵⁾ Рим. 2, 17—20. 23 др.

⁶⁾ Рим. 3, 27 ср. 1 Тим. 4, 10 др.

⁷⁾ Ср. Рим. 2—3 гл.

⁸⁾ Ср. Еф. 2, 14 сл. Кол. 3, 9—10, — Гал. 3, 28 др.

Не знаетъ безобразія. Красота есть предметъ любви и языческой, и ветхозавѣтной, и христіанской. Но идеалы красоты различны. Для язычника это—человѣкъ или сверхчеловѣкъ въ видѣ ли героя, философа, поэта, или олимпійскаго бога,—и вообще человѣческое проявленіе красоты, ибо питать дѣйствительную любовь къ мертвой и безличной идеѣ конечно нельзя. Для іудея это—Богъ и его святость, какъ и все, служащее выраженіемъ ея, преимущественно законъ Божій, данный чрезъ Моисея ¹⁾. Для христіанина это—Богочеловѣкъ, стоящій предъ духовнымъ окомъ вѣрующаго и зовущій его къ богоподобному совершенству ²⁾. Отсюда языческая любовь находила безобразнымъ все неизящное, необразованное, грубое, слабое и пр. съ личной точки зрѣнія эллина, какъ то: варваръ и скиѣтъ, рабъ и пр. Для іудея было безобразіемъ все вообще человѣческое, какъ грѣховное нечистое и мерзкое ³⁾. Новозавѣтная любовь, такъ сказать, совсѣмъ не смотритъ или не желаетъ взирать на безобразіе человѣка, а видитъ одну только его красоту, какъ отраженіе образа Божія, какъ осуществленіе божественной мысли и предметъ милости и любви Бога. Общечеловѣческая грѣховность и безобразность cadaго человѣка жертвою Христовой любви уничтожаются, какъ общій у всѣхъ дѣлитель въ уравненіи всего человѣчества. Остается одно только благообразіе, съ коимъ и имѣетъ дѣло Любовь. Она въ лицѣ Богочеловѣка созерцаетъ человѣчество не грѣшнымъ, страждущимъ и смертнымъ, но святымъ, блаженнымъ и безсмертнымъ. Въ этомъ оптимизмъ—тайна истинной любви.

Не ищетъ своего. Но это „свое“ опредѣляется также и ограничивается тѣмъ же, какъ и чѣмъ и другія проявленія любви языческой и іудейской. Для христіанина напротивъ: „что ты имѣешь, чего бы не получилъ“? ⁴⁾ Предметъ ея исканій не это „свое“, какъ для языческаго эроса и іудейской любви, но усвоеніе и впечатлѣніе въ себѣ и другихъ образа Христа, Его ума, Его чувствъ и Его воли,—разрѣшеніе отъ тѣла смертнаго и душевнаго и возстаніе въ тѣлѣ

¹⁾ Лев. 20, 7,—11, 45,—14. 2.

²⁾ Матѣ. 5, 48.

³⁾ Псал. 50, 7,—Іов. 14, 4 др.

⁴⁾ 1 Кор. 4, 7.

духовномъ и безсмертномъ для пріискреннѣйшаго единенія со Христомъ. Поэтому здѣсь не „око за око и жизнь за жизнь“, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и въ язычествѣ, а „милость за милость“, „желающему взять рубашку у тебя, отдай ему и верхнюю одежду“.

Не прогнѣвается. Гнѣвъ есть одно изъ проявленій божественной природы Эроса въ маніи,—онъ служитъ благороднымъ украшеніемъ для боговъ и людей, — Гомеръ вдохновляется гнѣвомъ Ахиллеса. Въ Ветхомъ Завѣтѣ гнѣвъ человѣкообразно усваивается Богу, какъ средство для возбужденія и поддержанія въ людяхъ основнаго начала ветхозавѣтной религіи — страха Божія ¹⁾. Въ Новозавѣтной „Любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, ибо въ страхѣ есть мученіе,—боящійся не совершенъ въ любви“. „Богъ далъ намъ духа не боязни, но силы и любви и цѣломудрія“ ²⁾. Здѣсь „всякій, гнѣвающийся на брата своего, подлежитъ осужденію“, „ибо гнѣвъ чловѣка не творитъ правды Божіей“ ³⁾. Допускаемый здѣсь, какъ и въ Древнемъ Завѣтѣ, только *безгрѣшный гнѣвъ* отнюдь не долженъ продолжаться долѣе солнечнаго захода ⁴⁾,—притомъ не какъ нерасположеніе къ другому и злоумышленіе, а какъ естественно-психологическое состояніе, выражающееся во внѣ—въ словѣ, взглядѣ и пр. Здѣсь требуется милость, а не жертва,—даръ любви, а не дань страха. Тотъ, Кто осуществилъ всю новозавѣтную любовь, „не воспрекословитъ, не возопіетъ, трости надломленной не сокрушитъ и льна курящагося не угаситъ“ ⁵⁾.

Не мыслитъ зла. Эросъ коваренъ и золъ, исполненъ хитрости, покровитель только добрымъ и презритель дурныхъ и пр. Въ законѣ Моисеевомъ предписывается Израилю зложелательство въ отношеніи къ врагамъ Бога и народа Божія ⁶⁾. Для Новозавѣтной Любви зло, какъ и безобразіе, стоитъ за предѣлами ея кругозора. Она видитъ только добро и на все смотритъ въ свѣтѣ добра. Героини, какъ Іудифъ,

¹⁾ Притч. 1, 1.

²⁾ 1 Іоан. 4, 18, 2 Тим. 1, 7.

³⁾ Матѳ. 5, 22; Іак. 1, 20.

⁴⁾ Ефес. 4, 26; Псал. 4, 5.

⁵⁾ Рим. 12, 19; Мар. 3, 5; Матѳ. 9, 13; 12, 19—20 др.

⁶⁾ Второз. 23, 6 др. ср. Исх. 2, 7; 12, 31. 35—36,—Іис. Нав. 2 гл. др.

и герои, какъ Илія и Іиуѣ, въ Новомъ Завѣтѣ невозможны, ибо здѣсь нѣтъ противленія злу зломъ, а преодоленіе зла добромъ ¹⁾).

Не радуется о неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Третья область стремлений Любви — истина, послѣ указанныхъ двухъ: красоты и добра. Для истинной любви также нѣтъ неправды, какъ нѣтъ безобразія и зла. У нея нѣтъ ока для зрѣнія неправды,—она знаетъ только радость и блаженство правды и истины,—сочувствіе лжи и неправдѣ ей также чуждо, какъ зломыслие и безобразіе. И это все потому, что Любовь сама есть красота, благо и истина, т. е. именно то, чего не имѣетъ Платоническій Эросъ (истины, добра и красоты) и что отсутствуетъ также и въ Платоновскихъ идеяхъ истины, добра и красоты (любовь).

Рядъ вышеуказанныхъ свойствъ любви, особенно красота, благо и истина, возводятъ ее до божественной всеобъемлемости и всеобщности, ибо прекрасное, доброе и истинное суть необходимые признаки всякаго истиннаго бытія, какъ отраженія божественной дѣйственности. Въ какой бы то ни было степени, но это необходимые признаки всего истинно сущаго. Поэтому Любовь необходимо простирается на *все*: она *все покрываетъ, всему въручаетъ, всего надѣется, все переноситъ*.

Первое свойство „покрываетъ“ служить общемою темою для стѣдующихъ трехъ, болѣе частныхъ: „въручаетъ, надѣется, переноситъ“.

Все покрываетъ. На все простираетъ она свой благодатный покровъ,—на весь космосъ—отъ неба до преисподней ²⁾),—все объемлетъ въ себѣ—отъ человѣка до маленькой птички, отъ Соломона до полевого цвѣтка ³⁾),—все покрываетъ своею милостію, согрѣваетъ своею теплотою и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ,—оставляя подъ своею надежною охраною 99 овецъ, она идетъ искать одну заблудшую и находящуюся въ опасности,—къ святому читателю и избраннику своему присоединяетъ и блуднаго сына, — не одни избранники Эроса и хранители Завѣта, но въ каждомъ народѣ творцы правды пріятны ей, ибо она не лицепріятна ⁴⁾).

¹⁾ Матѣ. 5, 39,—Римл. 12, 17. 18. 21.—13, 10; 1 Тесс. 5, 15,—1 Петр. 3, 9

²⁾ Рим. 10, 7; 1 Кор. 15, 38—40.

³⁾ Матѣ. 10, 29,—6, 25—30.

⁴⁾ Дѣян. 10, 34—35; Рим. 2, 11. Глаголь *στέγειν* въ значеніи *покрывать*

Всему вкруеть. Частнѣ эта всеобъемлющая, всемилющая и всеохраняющая сила любви выражается въ вѣрѣ, надеждѣ и терпѣніи. Вѣра—даръ любви уму или проявленіе ея въ области созерцательно-разумной. Во все доброе, истинное и прекрасное она вѣритъ всегда и повсюду. Частнѣ—она вѣруеть въ побѣду истины надъ ложью. Какъ бы далеко ни заходило заблужденіе, она всегда и вездѣ найдетъ искру Божьей истины, способную загорѣться яркимъ пламенемъ. Апостолъ хорошо это зналъ по себѣ.

Всего надѣется—даръ любви сердцу или ея проявленіе въ области чувствованій. Съ вѣрою въ истину соединяется надежда на всепобѣждающую силу красоты божественной, разлитой во всемъ мірѣ, — и особенно сосредоточенной въ образѣ Божіемъ—человѣкѣ. Присутствіе этой красоты въ человѣкѣ ручается за его природное благообразіе, могущее удерживать его отъ всего безобразнаго, срамнаго, небожьяго, такъ что „надежда не постыжаетъ, благодаря любви“ ¹⁾.

Все переноситъ—даръ любви волѣ или ея проявленіе въ области дѣятельной. Воля служить преимущественнымъ орудіемъ любви, какъ силы вседѣятельной, ибо любовь дѣйствуетъ въ вѣрѣ (Гал. 5, 6) и терпѣніе—въ надеждѣ (2 Кор. 1, 6), порождая опытность вѣры и сладость надежды (Рим. 5, 1 — 5). Терпѣніе есть проявленіе всепобѣждающей силы любви, дѣйствующей въ вѣрѣ и надеждѣ, дающей имъ постоянство и сообщающей имъ благодатную усладитель-

(ср. *στέγη*—кровля), *обнимать, содержать* у Платона въ *Gorgias*’ѣ 493. с. *Nir.* XLVII. vol. 1. p. 361 lin. 6: „душу людей неразумныхъ уподобилъ продрывленному рѣшету, такъ какъ она по причинѣ недовѣрчивости и забывчивости не можетъ содержать въ себѣ (*στέγειν*) вливаемое“. Отсюда развивается значеніе *терпѣть, носить въ себѣ, выносить, сносить, удерживать, выдерживать*—1 Кор. 9, 12,—1 Тесс. 3, 1. 5. Ср. 2 Кор. 5, 14: Еф. 4, 2. Терминъ можно сближать съ *очистилищемъ* или *крышкою* ковчега, служившею символомъ покрытія и отпущенія грѣховъ за кровь очистительной жертвы со стороны людей божественному гнѣву и правосудію. Въ Новомъ Завѣтѣ такимъ покрытіемъ грѣховъ человѣческихъ служить милость и любовь Отца, жертвующая людямъ Своего Единороднаго Сына. Тамъ „око за око“ и „жертва Богу“, здѣсь—„милость за милость“, „любовь за любовь“, „прощеніе за прощеніе“, жертва любви человѣческой за жертву любви божественной. Іоан. 1, 13, — Матѣ. 6, 12. 14—15,—9, 13,—12, 7 др.

¹⁾ Рим. 5, 5,—1 Іоан. 3, 3 ср. Еф. 3, 12.

ность¹⁾. Какъ главное свойство любви терпѣніе начинается и кончается строфу.

Уже въ послѣднемъ четверостишіи предшествующей строфы четырежды употребленное „все“, расширяя любовь до предѣловъ *всеобщности* и представляя ее свойствомъ, общимъ у челоуѣка съ Божествомъ, такимъ образомъ возводитъ духъ Апостола до созерцанія *божественной сущности Любви*, составляющей предметъ *третьей строфы*:

„Любовь отнюдь не престааетъ:

* * *

Хотя пророчества исчезнутъ,
Языки прекратятся,
И знанье упразднится.

* * *

Отчасти вѣдь мы знаемъ,
Отчасти и пророчимъ:
Когда жъ настанетъ²⁾ совершенство,
Сіе „отчасти“ упразднится.

* * *

Когда я былъ младенецъ,—
Глаголамъ какъ младенецъ,
И думалъ какъ младенецъ,
И мыслилъ какъ младенецъ.
Когда жъ сталъ мужемъ я,
То упразднилъ младенчество (свое).

* * *

Теперь вѣдь видимъ мы чрезъ зеркало въ загаткѣ,
Тогда жъ—лицомъ къ лицу:
Теперь отчасти знаю,
Тогда жъ познаю, какъ и познанъ (я).

* * *

Такъ—пребываетъ
Вѣра, надежда, любовь,—
Троица эта:

Большая жъ въ этихъ³⁾—Любовь“.

¹⁾ Ср. Лук. 21, 19; Іак. 1, 3; 2 Пет. 1, 5—7; Рим. 8, 25; 13, 4 — 5; Еф. 4, 2; Кол. 1, 4, 11; 1 Тесс. 1, 3; 2 Тесс. 3, 5; 1 Тим. 1, 5; 6, 11 др.

²⁾ придетъ.

³⁾ *въ нихъ* или *изъ нихъ* или *среди нихъ*.

Какъ первыя двѣ строфы соотвѣтствуютъ рѣчи Агаѳона и первымъ двумъ частямъ Сократовой похвалы (дары любви и ея свойства), такъ въ этой третьей строфѣ видна очевидная параллель третьей части рѣчи Сократа, гдѣ созерцается наивысшая ступень любви, или ея идейная сущность,—всеобщая и вѣчная самокрасота. Этимъ несомнѣннымъ соотвѣтствіемъ ясно освѣщается смыслъ разсужденій Апостола о томъ, что „отчасти“, о „совершенномъ“, о созерцаніи „лицемъ къ лицу“, „младенческомъ умопредставленіи“ и „упраздненіи младенчества“ съ восхожденіемъ въ состояніе „мужа“, наконецъ о „вѣчности“ и божественности „вѣры, надежды, любви“, при неразрывномъ единствѣ этой „троицы“ и „главенствующемъ значеніи въ ней Любви“.

Общая тема строфы: „Любовь отнюдь не престааетъ“, буквально: *никогда не отпадаетъ*, не упадаетъ, не прекращается. Великій Эросъ простираетъ свою власть—внизъ—только до Аида, гдѣ человѣческія тѣни блуждаютъ безъ любви и жизни,—вверхъ—только до орбиты между божествомъ и человѣчествомъ, міромъ идеальнымъ и реальнымъ,—орбиты, за которою тоже начинается смерть самополноты совершенства. Для іудея также существовало средостѣніе оградъ, дѣлившей міръ на двѣ половины — возлюбленную и ненавидимую Богомъ. Для новозавѣтной Любви нѣтъ средостѣній и орбитъ, гдѣ она должна была бы останавливаться и отпадать. Отъ Бога, Который есть Любовь и Богъ Любви, и до преисподней, куда нисходитъ эта Любовь въ лицѣ Христа, она простираетъ на все свой благодатный покровъ и свою безграничную силу ¹⁾. Правда, іудейство не преграждало, подобно Платону, путь любви границею между Богомъ и тварью: любовь, благодать и милость присущи Богу, какъ Его міротворческая и міропромыслительная силы ²⁾. Но новозавѣтная Любовь идетъ далѣе: даже „подобіе плоти грѣха“ для нея не служитъ предѣломъ, но „Слово стало плотью“, вмѣстившею „всю полноту Божества“ и „Сущій во образѣ Бо-

¹⁾ 1 Иоан. 2, 5; 1 Петр. 3, 18 сл. 4, 6; Рим. 10, 6 сл. 2 Кор. 5, 14; 13, 11; Еф. 2, 14 др.

²⁾ Ср. Пс. 30, 19; 68, 16; 83, 11; 85, 15; 103, 28; 111, 4; 135, 1; Иса. 60, 10 и др. мн. Также у Филона въ De sacrif. Ab. et C. 15.—Quod Deus immut. 14. 16. 23,—De plant. N. 20,—De migr. Abr. 32,—Quis rer. div. h. 34, — De Abr. 24—25 и др. по изд. Cohn-Wendland.

жіемъ и Несчитавшій хищеніемъ быть равнымъ Богу образъ раба принялъ и видъ человѣка, бывъ послушенъ даже смерти, и притомъ крестной“ ¹⁾. За эту черту не простиралось ветхозавѣтное созерцаніе любви. Только новозавѣтная любовь нигдѣ и никогда „отнюдь не престае“.

Далѣе изображается этотъ, незнающій ограниченій, міръ Божественной Любви—въ себѣ самой, въ своей божественной или идеальной сущности, какъ у Платона,—міръ, гдѣ уже нѣтъ мѣста частному, несовершенному, загадочному и посредственному, но гдѣ одно только совершенное, лицомъ къ лицу, непосредственное—и въ отношеніи къ уму, и въ отношеніи къ чувству, и въ отношеніи къ волѣ.

„Хотя пророчества исчезнутъ“: какъ временное и частное проясненіе божественныхъ истинъ въ человѣческомъ духѣ, окутанномъ плотностію своей теперешней дѣйственности въ тѣлѣ душевномъ,—какъ минутное снятіе этого тумана съ его духовныхъ очей и отверженіе предъ нимъ небесныхъ дверей божественной истины.

„И языки прекратятся“: т. е. религіозный экстазъ, какъ обусловливающийся тою же тяжестью плоти, лежащей на духѣ и препятствующей ему носиться въ вышнемъ небѣ божественной красоты. Вдохновеніе безъ экстаза, восторгъ безъ маніи, поэзія безъ словъ—свободно и непрестанно льются здѣсь въ выраженіяхъ, коихъ невозможно изречь ни словами, ни звуками, никакими средствами земнаго человѣческаго языка ²⁾.

„И знанье упразднится“: наука, какъ даръ Любви человѣку на землѣ, состоящая въ медленномъ, частичномъ и экспериментальномъ постиженіи божественныхъ законовъ міра, чтобы „въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой“. Независимость духовнаго тѣла отъ многихъ изъ этихъ законовъ сосредоточить умъ человѣка на созерцаніи только наивысшихъ законовъ и проявленій божественной истины. Не снизу вверхъ, но сверху внизъ будетъ созерцать человѣкъ землю и все, что въ ней.

Причина—въ противоположности теперешняго и здѣшняго „отчасти“ тогдашнему и тамошнему „совершенству“:

¹⁾ Іоан. 1, 14,—Рим. 8, 3,—Филип. 2, 6, сл. Кол. 2, 9.

²⁾ 2 Кор. 12, 4.

„отчасти въдѣ мы знаемъ, отчасти и пророчимъ, когда жѣ настанетъ совершенство, сіе отчасти упразднится“. Это—необходимое слѣдствіе перехода духа изъ тѣла душевнаго въ духовное и возстанія его изъ-подъ тяжести плоти. Тутъ бываетъ то же, что съ зерномъ сѣмени. Пока оно подъ землею и сокрыто въ почвѣ, оно гниетъ, лежитъ подъ тяжестію земляной массы, въ темнотѣ. Но съ произрастаніемъ, оно возстаетъ изъ-подъ земли, растетъ, цвѣтетъ и зрѣетъ на волѣ и просторѣ. Такъ и духъ человѣческій: со смертію плоти и тѣла душевнаго онъ возстаетъ изъ-подъ этой тяжести съ духовнымъ тѣломъ, изъ тѣмы выходитъ на свѣтъ, изъ оковъ несется на просторъ свободы и жизни высшей, духовной и блаженной.

Другое противоположеніе—*младенчество и возмужалость: „когда я былъ младенецъ, говорилъ какъ младенецъ, помышлялъ какъ младенецъ, рассуждалъ какъ младенецъ; когда сталъ мужемъ, упразднилъ младенческое“.* Совершенное состояніе относится къ теперешнему, какъ возмужалость къ младенчеству. Это—не другое состояніе, чисто духовное въ отличіе отъ тѣлеснаго,—не полная утрата тѣлесности, какъ проявленія дѣйственности безсмертнаго духа,—и не душепреселеніе въ совершенно другой образъ тѣлесности. Это—такое же развитіе болѣе совершенной и духовной тѣлесности изъ душевной и плотяной, какое представляютъ состояніе безпомощнаго младенческаго организма и полное его развитіе въ зрѣломъ возрастѣ. Но развитіе это совершается подъ вліяніемъ и въ соотвѣтствіи роста самого духа. Развиваясь изъ младенчества въ возмужалость, самъ духъ выращиваетъ себѣ и болѣе совершенное духовное тѣло, соотвѣтственно степени своихъ нравственныхъ совершенствъ и силъ, какъ изъ посѣяннаго зерна жизненная сила природы созидаетъ новое растеніе соотвѣтственно качествамъ зерна, почвѣ, состоянію погоды и другимъ условіямъ. Частію это состояніе берется въ отношеніи къ чувству—*„глаголалъ“* (даръ языковъ), волѣ—*„думалъ“*, помышлялъ, имѣлъ нравственное настроеніе,—и уму—*„мыслилъ“*, рассуждалъ ¹⁾. Умъ, чувство и воля въ со-

¹⁾ Въ греческомъ это различіе выражено глаголами: *ἐλάλουν* — *ῥησσο-
λάλια*, — *ἐφρόνουν* — *φρόνη*, *σώφρων*, *ἄφρων* *φρόνιμος* др.—и *ἐλογίζεμην* — *λόγος* —
разумъ, разсудокъ.

вершенномъ состояніи человѣка отличаются отъ несовершеннаго настолько же, какъ различны эти силы души младенческой и возмужалой.

Третье противоположеніе—*„видѣніе чрезъ зеркало въ загадкѣ и видѣніе лицомъ къ лицу. „ибо видимъ (смотримъ, усматриваемъ) теперь чрезъ зеркало въ загадкѣ, тогда же—лицомъ къ лицу“*. Чувственная область бытія, гдѣ живетъ теперь духъ человѣка, есть отраженіе невидимыхъ и духовныхъ идей и силъ Божества, или зеркало божественной дѣйственности ¹⁾. Поэтому мы теперь только прозрѣваемъ (*βλέπομεν*) и созерцаемъ, (*καθορῶται*) невидимую истину Божества въ явленіяхъ чувственного міра, какъ въ зеркалѣ и отраженіи. Но когда духъ перейдетъ изъ состоянія тѣлесности душевной въ состояніе духовной тѣлесности, или вырастетъ изъ подъ плотной земляности на духовный просторъ небесности, тогда разобьется это зеркало для духа, онъ увидитъ истину лицомъ къ лицу, чистымъ духовнымъ сердцемъ узритъ Бога и дивную красоту божественной жизни будетъ созерцать непосредственно, въ ея божественномъ Самоисточникѣ ²⁾.

Четвертое противоположеніе—*знаніе частичное и познаніе созерцательное: „теперь знаю отчасти, тогда же познаю, какъ и познаю“*. Анализъ, экспериментъ, синтезъ, индукція, дедукція, гипотезы, аргументація и всѣ другіе процессы и формы теперешняго научнаго знанія (*γινώσκω*) перейдутъ въ такое же „познаніе“ (*ἐπιγνώσκειν*), какое свойственно (конечно по своей формѣ, а не по содержанію, ибо *всездѣніе* не можетъ быть удѣломъ твари) Самому Богу о мірѣ и человѣкѣ (*καθὼς καὶ ἐπεγνώσθη*—Богомъ). Богъ не узнаётъ Свою тварь, но знаетъ ее,—не пріобрѣтаетъ о ней знаніе, какъ мы о мірѣ, но имѣетъ о ней „познаніе“, какъ мы о себѣ самихъ. Богъ знаетъ и созерцаетъ человѣка и Свою тварь, какъ человѣкъ знаетъ твореніе своего духа, свои мысли, свои чувства и свою волю ³⁾. И это потому, что божествен-

¹⁾ Римл. 1, 19—20; ср. Прем. Сол. 7, 26; Пс. 18, 1.

²⁾ Матв. 5, 4.

³⁾ 1 Кор. 2, 10 сл. 8, 2—3 ср. Филип. 3, 12 сл. Гал. 4, 9; Philo, De Cher. 32: *νῦν ὅτε ζῶμεν κρατούμεθα μᾶλλον ἢ ἄρχομεν καὶ γνωρίζομεθα μᾶλλον γνωρίζομεν*. Sohn—Wendland, 1. 197. Къ *ἐπιγνώσκειν* и *ἐπίγνωσις* въ отличіе отъ простаго *γινώσκω* и *γνώσις* ср. Рим. 1, 32,—2, 10,—7, 15; 1 Кор. 1, 5; 8, 1; 13, 8, 9; 2 Кор. 1, 13; 5, 16; 13, 5; Еф. 1, 17 др.

ная мысль (идея) есть творческая сила. Однимъ словомъ Богъ созерцаетъ и творитъ человѣка и весь міръ также, какъ нашъ духъ, отраженіе Бога, созерцаетъ и творитъ свои произведенія. Это—Логосъ Бога, первообразъ нашего разума, нашего самовѣдѣнія. Сравнительно съ теперешнимъ знаніемъ нашъ умъ разовьется настолько же выше, насколько умъ великаго ученаго превосходитъ умъ ребенка. Теперешнія тайны науки, составляющія предметъ упорнаго труда ученыхъ, станутъ азбукою для тогдашняго созерцанія,—тѣмъ же, чѣмъ является умѣнье читать и писать для ученаго.

Надо закрыть глаза, чтобы въ этихъ созерцаніяхъ Апостола не видѣть близкаго соотношенія ¹⁾ съ ученіемъ Платона объ идеяхъ, особенно какъ оно дано въ его діалогахъ, посвященныхъ любви—Симпосіонъ и Федръ,—ученіемъ о самокрасотѣ, самоблагѣ и самоистинѣ. Но это ученіе Платона у Апостола созерцается подъ лучемъ Новозавѣтной Любви, свой самоисточникъ имѣющей въ Богъ, а не представляющей на пограничной орбитѣ между реальнымъ и идеальнымъ, Олимпомъ и небомъ. Отсюда—разница и въ представленіи теперешняго—несовершеннаго и будущаго—совершеннаго состояній человѣка. Для Платона это—паденіе чистыхъ духовъ въ область чувственнаго тѣлеснаго бытія; для Павла—естественное слѣдствіе рожденія людей (т. е. душъ и созидаемыхъ ими тѣлъ) отъ Перваго Адама—страждущаго, грѣшнаго, смертнаго. Для Платона это—бѣгство души изъ тѣла, какъ изъ темницы или тяжелой одежды, мѣшающей духу снова взлетѣть на орбиту созерцанія идей, или же новое ниспаденіе души въ другія формы чувственнаго бытія (душепреселеніе); для Павла—саморазвитіе духа изъ младенчества въ возмужалость, причемъ и тѣло выращивается соотвѣтственно развитію духа, — новое рожденіе и новая жизнь—отъ Адама Втораго, Небеснаго, Духа Животворящаго. У Платона—сверженіе тѣла, у Павла—его возстаніе и выростаніе въ тѣло духовное. У Платона—новая, безтѣлесная форма бытія, у Павла — одухотвореніе прежней тѣлесной, самоусовершенствованіе, прогрессъ или эволюція духовнаго

¹⁾ Соотношеній въ частныхъ мысляхъ, образахъ, слововыраженіи и пр. теперь не касаемся, въ виду очевидности общаго соотношенія.

типа. Человѣкъ Платона есть паденіе сверху внизъ, въ плоть, въ душепреселеніе; человѣкъ Павла есть возвышеніе или развитіе снизу вверхъ, къ духовной жизни и единенію съ Богочеловѣкомъ Христомъ, да будетъ чрезъ Него Богъ все во всемъ. Магія и противоестественность Платоновской философіи замѣняется законосообразностью и естественностію въ Павловой теософіи ¹⁾.

Но въ заключительномъ четверостишіи Пѣсни раздается уже стройный аккордъ, такъ сказать, *чистѣйшей* мелодіи Новозавѣтной Любви, безъ аккомпаниментовъ эллинизма и юдаизма.

„Такъ—пребываетъ
Вѣра, Надежда, Любовь,—
Троица эта:

Больше жъ изъ этихъ—Любовь“.

Итакъ (*vivi dé*—въ отличіе отъ *arti* имѣетъ здѣсь не темпоральное: въ настоящее время, теперь,—но логическое ²⁾ значеніе: такъ вотъ, такимъ образомъ, при такихъ условіяхъ, напротивъ и под.), заключаетъ Апостолъ, *пребываетъ* (*μένει*—единственное число при трехъ подлежащихъ существительныхъ выражаетъ нераздѣльное единство этой троицы, какъ и дальнѣйшее—*„три сии“*). Въ отличіе отъ временнаго и мѣстнаго характера духовныхъ даровъ и частныхъ проявленій вѣры, надежды и любви, ихъ первоисточникъ, откуда всѣ они истекаютъ,—и ихъ сила, коей частнымъ проявленіемъ они служатъ—именно: *Вѣра*—какъ проявленіе ума, *Надежда*—проявленіе чувства, *Любовь*—проявленіе воли, — *пребываетъ* всегда и вездѣ, *троица эта* (*τὰ τρία ταῦτα*—при существительныхъ женскаго рода стоитъ средній родъ множественнаго числа, вмѣсто единственнаго, опять—для показанія единства предмета въ трехъ его нераздѣльныхъ проявленіяхъ)—вѣчная и нераздѣльная *Троица эта* проявленій всякой истинной жизни. Вѣра берется какъ наивысшее проявленіе *ума*—постиженіе или созерцаніе духовныхъ и высокихъ истинъ (идей божественныхъ). Она не можетъ конечно престать и есть неотъемлемое свойство ума, но только изъ состоянія

¹⁾ 1 Кор. 15 гл. ср. Рим. 5 гл. Иоан. 12, 24.

²⁾ Какъ Лук. 19, 42; ср. 11, 39; Иоан. 8, 40; 9, 41; Рим. 7, 17; 1 Кор. 7, 14; 12, 18; Евр. 9, 26; Іак. 4, 16 и др.

„отчасти, несовершеннаго, младенческаго, чрезъ зеркало и въ загадкѣ знанія и видѣнія“ перейти въ „познаніе или созерцаніе совершенное, полное, возмужалое, лицомъ къ лицу и божественное“¹⁾. Такъ же и Надежда понимается какъ сладостное *чувство* блаженства удовлетворенія при созерцаніи предметовъ вѣры. По отношенію къ теперешнимъ предметамъ вѣры она обращается въ обладаніе и видѣніе. Но область созерцанія безконечна, какъ Самъ Богъ. Поэтому какъ Вѣра становится безконечнымъ процессомъ созерцанія все новыхъ и высшихъ истинъ, такъ и сопровождающее этотъ процессъ чувство Надежды на все новыя и высшія пріобрѣтенія является вѣчнымъ и блаженнымъ спутникомъ Вѣры²⁾. Любовь, какъ проявленіе *воли* къ достиженію созерцаемаго Вѣрою и чувствуемаго Надеждою, точно также безконечна и вѣчна, какъ сама жизнь Духа, состоящая въ созерцаніи, чувствѣ и влеченіи, коихъ предметомъ служить благо, истина и красота.

„*Большая жъ въ этихъ (или: изъ этихъ)—Любовь*“. Созерцаніе или *Вѣра* невозможна безъ любви и надежды, — это было бы механическое фотографированіе или мертвое копированіе, а не жизнь и блаженство художественнаго творчества. Также и *Надежда* должна ожидать и любить то, чѣмъ сообщается блаженство упованія. Наконецъ и *Любовь* безпредметная также невозможна, какъ и несоединенная съ Надеждою достиженія и обладанія. Эта Троица проявленій жизни Духа единосущна и нераздѣльна. Но сравнительное преимущество въ ней принадлежитъ Любви: *Любовь больше Вѣры и Надежды, принципиальнѣе*, — она главенствуетъ въ этой Троицѣ. И это потому, что она есть не *разумъ* и не *чувство*, а *воля* жизни, — „сила, какъ говоритъ Апостолъ въ другихъ мѣстахъ, *дѣйствующая чрезъ вѣру и въ надеждѣ*“, она есть энергія (*ἐνεργουμένη*) вѣры и надежды, — она заставляетъ Вѣру—творить, а Надежду — блаженствовать. Любовь есть мать Вѣры и сила Надежды³⁾.

¹⁾ Евр. 11, 1 сл. Рм. 4, 1 сл. 1 Кор. 8, 2—3; 1 Иоан. 4, 8.

²⁾ Рм. 4, 1. 18,—5, 45,—8, 24—25; 12, 12,—15, 4. 12. 13,—1 Кор. 15, 19; Гал. 5, 5; Еф. 2, 12; Филип. 2, 1. Кол. 1. 5—27; 1 Тесс. 2, 19; 4, 13; 5, 8; 1 Тим. 1, 1; 4, 10; Евр. 11, 1; 1 Петр. 3, 15 и др.

³⁾ Для ближайшаго сравненія Вѣры, Надежды и Любви см. еще Рм. 13, 10; 1 Кор. 8, 1 сл. Гал. 5, 6. 22; Кол. 3, 14; 1 Тесс. 3, 6; 5, 8. 13;

Такъ это въ человѣческомъ духѣ, такъ это и въ Богѣ, какъ Саможизни, или Верховномъ Разумѣ, Безусловномъ Блаженствѣ и Бесконечной Любви, — Первоистинѣ, Первокрасотѣ и Первоблагѣ, — Всевѣдѣніи, Всеблагодати и Всеомоществѣ.

„Богъ!“..... Однакожь этого великаго Имени нѣтъ въ Новозавѣтной Пѣсни Любви, хотя оно безъ словъ слышится вездѣ въ самой музыкѣ, такъ сказать, святыхъ звуковъ слова „Любовь“. Въ Платоновой похвалѣ любви мы постоянно встрѣчаемся съ этими: „богъ, божество, боги“ и „человѣкъ, человѣчество, люди“. Гдѣ боги отъ людей не отличались внутренно и смѣшивались между собою, тамъ была надобность отличить ихъ хотя бы внѣшне, названіями. Для библейскихъ писателей не было надобности въ этомъ. Къ „сіянію“ излишне прибавлять—„свѣта“, „дыханіе“ предполагаетъ „воздухъ“. „Любовь“ для Апостола, какъ и для всякаго библейскаго писателя, есть самъ „Богъ“,—тоже, что сіяніе и свѣтъ, дыханіе и воздухъ. Точно также: „благо, истина, красота, премудрость, благодать, правосудіе, блаженство“—все это синонимы великому имени „Богъ“. „Богъ есть любовь“, Онъ есть „Богъ любви“, какъ и „Блаженный Богъ“ и „Богъ надежды“,—„Премудрость и Разумъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ въ своемъ Первоисточникѣ Вѣра-Надежда-Любовь есть единосущная и нераздѣльная Троица проявленій Божественной жизни. Вѣрѣ соотвѣтствуетъ Логосъ, Разумъ-Слово Бога, въ Коемъ Богъ созерцаетъ осуществленіе Своихъ творческихъ идей и силъ, — Сынъ Божій, рождаемый любовью Отца. Надежда служитъ символомъ блаженства Любви Бога, изводящаго Духа Утѣшителя. Любовь есть рождающая Сына и изводящая Духа воля Бога Отца, дѣйствующая въ Сынѣ и Духѣ. Это—нераздѣльная и единосущная божественная Троица, какъ умъ, сердце и воля — въ человѣческомъ духѣ. Но Любовь — больше Вѣры и Надежды, ибо Отецъ—больше Сына и Духа ²⁾.

1 Тим. 1, 5; 2, 15; 6, 11; 2 Тим. 1, 3. 7. 13; 2, 22; 3, 10; Тит. 2, 2. 10; Филим. 5. Ефес. 3, 17—19; 4, 12—16.

¹⁾ Рм. 11, 33 — 34; 15, 13; 2 Кор. 10, 5; 13, 11; Кол. 2, 3 (?); 1 Иоан. 4, 7 — 8; 1 Тим. 1, 11; [Иоан. 1, 1 ср. Мѣ. 11, 19; Лк. 11, 49; 1 Кор. 1, 21. 24; 2, 7.

²⁾ Иоан. 14, 28 ср. 10, 29; 15 26.

Такъ, въ концѣ концовъ, безжизненный и безличный міръ Платоновскихъ идей, лишенный любви, надежды и вѣры,—возведенъ Апостоломъ до созерцанія Живаго Божества въ трипостасномъ проявленіи Его жизни: Любви—воли—Отца,—Вѣры—созерцанія—Логоса—Сына,—Надежды—Духа Утѣшителя,—или: Всемогушества, Премудрости и Благости Бога. Этихъ высотъ теософіи не достигала любовь эллинизма. Но и въ Ветхомъ Завѣтѣ были даны только сумрачныя образы новозавѣтной истины, проявляющіеся только подъ освѣщеніемъ новозавѣтнаго Солнца Любви, въ лицѣ Христа снимающей туманный покровъ съ Моисея.

„Большая жъ въ этихъ — Любовь“. Этимъ великимъ и милымъ сердцу Апостола словомъ „Любовь“ ¹⁾ оканчивается Новозавѣтная Пѣснь Любви.

Но это слово для Апостола было синонимомъ всесвятѣйшаго имени „Богъ“ столько же, сколько, и притомъ ближе сердца Апостола касавшагося и наисладчайшаго для него имени: „Иисусъ, Коего ты гонилъ“, — Содѣлавшій Своего гонителя „избраннымъ сосудомъ“ Своей любви ²⁾. Такимъ образомъ этимъ великимъ и послѣднимъ словомъ пѣсни „Любовь“ Апостолъ вводитъ насъ въ само Святое Святыхъ новозавѣтной Любви, въ неприступную тайну божественной Любви, куда и ангелы желаютъ проникнуть ³⁾,—боговоплощенія,—т. е. въ созерцаніе новозавѣтнаго идеала любви.

Для избѣжанія двусмысленности замѣчу, что подъ идеаломъ любви я разумѣю не миѳическіе или романическіе образы поэтической фантазіи и художественнаго вымысла, но то, въ чемъ видится дѣйствительное осуществленіе идеала и дѣйствительно-историческимъ лицомъ.

Сейчасъ только я указалъ на то, что въ Платоновой похвалѣ любви, гдѣ боги не отличаются отъ людей и смѣшиваются съ ними, мы постоянно встрѣчаемся съ словами „богъ“ и „боги“. Напротивъ, гдѣ Божество безконечно превышаетъ человѣка, въ ветхозавѣтной Пѣсни Пѣсней и Ново-

¹⁾ Оно употреблено у Ап. Павла 78 разъ, у Іоан. 29, Петр. 4, Іуд. 2, Апок. 2, Мѡ. 1 и Лк. 1,—ни разу не встрѣчается у Марка и Іакова.

²⁾ Дѣян., 9. 5. 15.

³⁾ 1 Петр. 1, 16.

завѣтномъ гимнѣ любви совсѣмъ нѣтъ слова „Богъ“. Это важно для пониманія идеаловъ любви языческой, ветхозавѣтной и новозавѣтной. Для библейскаго вѣросознанія Богъ есть какъ бы стихія любви,—сіяніе, не отъемлемое отъ солнца,—воздухъ дыханія Божества, если позволительно такъ говорить. Поэтому Богъ и Любовь въ Библии—нераздѣльные понятія. Напротивъ, язычникъ только ошущью искалъ истиннаго Бога, сущаго недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо Имъ мы живемъ, и движемся и существуемъ, — строя жертвенники Олимпійскимъ богамъ, онъ безсознательно искалъ и въ религіозныхъ глубинахъ своего духа чтить „Невѣдомаго Бога“ ¹⁾. Какъ бы боясь смѣшать этого истиннаго, но еще невѣдомаго и только искомаго, Бога съ *человѣкобогами* Олимпа, философско-поэтическое созерцаніе Платона хотя въ словѣ и внѣшне стремится отличить Божество отъ чело-вѣчества, безотчетно ставя боговъ рядомъ съ людьми, а истинное Божество только смутно прозрѣвая за этими богами.

Да, религіозная фантазія язычника въ эпоху мифологическаго творчества не могла подняться выше идеализаціи своихъ героевъ. Но къ эпохѣ Сократа и Платона эти народные боги-герои уже далеко отстали отъ тогдашняго нравственно-религіознаго идеала. Философія, поэзія и искусства опередили мифическихъ боговъ. Не даромъ же и были такъ завистливы къ чело-вѣку эти боги, такъ опасались за свои преимущества, такъ ревниво не допускали чело-вѣка до себя и держали его въ рабскихъ оковахъ. Но аѳинскій философъ, поэтъ и художникъ, въ концѣ концовъ, побѣдили Олимпійцевъ.

Понятно, почему Платонъ не могъ взять ни одного бога за идеаль своей философской любви. Всѣ они были ниже этого идеала. Понятно, почему такимъ идеаломъ у него является чело-вѣкъ—*философъ Сократъ*.

Идеализація Сократа, какъ мы знаемъ уже, составляетъ послѣднюю строфу Платоновскаго гимна любви. Пьяный Алкивіадъ, „до бѣшенства влюбленный въ Сократа“ и ревнующій его ко всѣмъ, но и самъ „любимецъ“ философа,—вторгается на этотъ „пиръ любви“ какъ разъ въ то самое

¹⁾ Дѣян. 17, 23. 27.

время, когда раздалися послѣднія слова вдохновенной рѣчи Сократа. Компанія заставляетъ подкутившаго Алкивіада принять участіе въ похвалѣ любви и онъ говоритъ заключительную, седьмую, рѣчь, посвященную идеализаціи любви въ лицѣ Сократа, этого наивысшаго носителя Великаго Эроса, учителя и знатока эротическихъ дѣлъ ¹⁾.

Не безъ умысла пьянъ Алкивіадъ. Опыяненіе и манія — крылья Эроса и эротической страсти ²⁾. И дѣйствительно, эротизмомъ наполнена рѣчь Алкивіада и апопееозою эротической страсти является эта заключительная строфа Сократо-Платоновой пѣсни любви.

Но... если ужъ самъ великій учитель и знатокъ эротическихъ дѣлъ Сократъ могъ говорить объ этой сторонѣ Великаго Эроса не иначе, какъ съ закрытыми глазами ³⁾, то это освобождаетъ насъ отъ изложенія содержанія первой части Алкивіадовой рѣчи, отсылая желающихъ съ нею познакомиться къ подлиннику. Смыслъ ея тотъ, что Сократъ преодолѣлъ низшую и чувственно-плотную ступень Великаго Эроса, не смотря на всѣ искушенія со стороны Алкивіада. Да, Сократъ не искусился... Однакоже искушался, позволялъ себя искушать такъ обидно пошло и такъ скверно.... Болѣе того: съ нравственной точки зрѣнія форма искушенія была для него почти безразлична. Еще болѣе: онъ находилъ философско-теоретическое оправданіе этой ступени Эроса и даже придавалъ ей педагогическое значеніе... Мы видимъ здѣсь въ Сократѣ только игру своимъ характеромъ, гордость побѣдителя, подмостки величія, или шутку взрослого надъ наивностію ребенка. Онъ только лишь *лично*, не обязывая къ тому другихъ, „*побѣдилъ* Алкивіада тѣмъ, что *презрѣлъ*, осмѣялъ, унизилъ красоту“ прелестнаго и талантливаго юноши. Нужно ли говорить, что эти свойства Сократоплатоническаго Эроса лежатъ внѣ области библейской агапы. Ни одной подобной нотки не звучитъ не только въ Апостольскомъ Гимнѣ, но и въ Пѣсни Пѣсней. Такъ далека эта сторона языческаго эроса отъ библейскаго идеала любви.

¹⁾ Symp. 212. c—215. a, Hirsch. XXXI—XXXII. p. 688 — 690, — Карп. 208 сл. Ср. Phaedr. 257. a Hir. XXXVIII 720. Кар. 75. 227, c: 265. B—C; Sym. 177 D—E; 212. B; 216, Ddp.

²⁾ Ср. Symp 218. B, Hir. XXXIII 693 Кар. 217. и др. Ефес. 5, 18.

³⁾ въ Федръ. 237. a Hir. XII. 705, Карп. 34.

По методѣ Агаѳоновой и Сократовой рѣчей, Алкивиадъ идеализуетъ Эросъ сначала въ природѣ Сократа, а потомъ въ его дѣлахъ.

Природа Сократа похожа на статуэтки Силеновъ или Сатировъ. Онъ незвученъ, смѣшонъ и уродливъ совнѣ, но внутри себя скрываетъ драгоцѣнности духа—дары Великаго Эроса. Это—самъ Эросъ, произшедшій отъ Пеніи и Пора, совмѣщающій въ себѣ противорѣчія смертнаго и безсмертнаго (въ смыслѣ философскаго и историческаго безсмертія), красоты (внутренней) и безобразія (внѣшняго). „Подобно Силену и Сатиру, дивною владѣетъ онъ силою. *По виду* онъ расположенъ любить прекрасныхъ (юношей), всегда бываетъ около нихъ и поражается ими. Но тутъ же все ему ничего неизвѣстно, ничего онъ не знаетъ. Такова его маска, что онъ, подобно Силену, надѣваетъ сверху. *Внутри же*, когда раскроется, сколько въ немъ разсудительности (цѣломудрія). Внѣшнюю только красоту, богатство, все, чѣмъ увлекается толпа, онъ *презираетъ* и вмѣняетъ ни во что. Совнѣ онъ насмѣшливъ и комиченъ, а внутри онъ наполненъ сокровищами божественными, золотыми, прекрасными, чудными. Увлеченный его философскими рѣчами, впивающимися въ юную и даровитую душу ужаснѣе змѣи, Алкивиадъ признается въ своей любви къ Сократу предъ компаніей Симпосіона, хорошо знакомой съ философскимъ неистовствомъ и вакханствомъ. Но Сократъ побѣждаетъ юнаго энтузіаста Эроса призываніемъ его воспользоваться обаяніемъ даровъ Эроса въ Сократѣ для того, чтобы сдѣлаться лучше и внутреннюю красоту предпочитать предъ внѣшнимъ благообразіемъ. Такъ, униженный и призрачный Сократомъ красавецъ и талантъ—Алкивиадъ восхищается природою Сократа, его цѣломудріемъ, умомъ и твердостью характера ¹⁾.

Затѣмъ изображаются дѣла Эроса въ Сократѣ. Въ военномъ Потидейскомъ походѣ Сократъ превосходилъ всѣхъ своими трудами,—голодалъ,—отличался такимъ терпѣніемъ, что другіе предъ нимъ ничего не значили. Въ пирушкахъ онъ не ѣстъ и не пьетъ, хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищество принуждало его, онъ былъ впереди всѣхъ, но

¹⁾ Sym. 215. a—219. d. Hic. XXXII—XXXIV. 690—694. Карп. 212 дал.

пьянымъ никогда не бывалъ, что доказываетъ и настоящая попойка. Легко переносить стужу, идти въ легкой одеждѣ въ морозъ, ходить босикомъ по льду. Онъ презираетъ изнѣженность солдатъ, рѣшителенъ и отваженъ. Увлеченный Эросомъ, онъ, въ состоянїи божественной маїи, стоитъ на одномъ мѣстѣ и думаетъ какую то великую думу съ утра до слѣдующаго восхода солнца. Онъ самоотверженно выносить изъ сраженія раненаго Алкивіада, съ самозабвеніемъ хлопочетъ о его наградѣ. Въ сраженїи онъ отступаетъ величаво, съ презрѣніемъ и спокойствіемъ взирая на друзей и враговъ. По дѣламъ нѣтъ подобнаго Сократу между людьми, ни изъ древнихъ, ни изъ современниковъ. И рѣчи его походятъ на открытыхъ силеновъ. Вѣдь кто захотѣлъ бы слушать разсужденія Сократа, тому они сперва показались бы очень смѣшными. Вышнюю одеждою ихъ служатъ такіа слова и выраженія, что походятъ на шкуру насмѣшника сатира: онъ толкуетъ о большихъ ослахъ, о какихъ то мѣдникахъ, да о сапожникахъ съ кожевниками, повидимому всегда повторяя одно и тоже, такъ что неопытный сталъ бы смѣяться надъ его рѣчами. Но кто заглянетъ въ эти рѣчи открытыя (подобно тому, какъ открывается статуетка силенна, содержащая въ себѣ драгоценности) и проникнетъ внутрь ихъ, тотъ сперва найдетъ ихъ необычайно умными, а потомъ божественными, заключающими въ себѣ множество изображеній добродѣтели и простирающимися на многое, особенно же на все то, что долженъ созерцать человѣкъ, желающій быть добрымъ и хорошимъ. Рѣчи Сократа поражаютъ и приводятъ въ изступленіе,—слушая его, сердце бьется сильнѣе, чѣмъ у коривантовъ,—и отъ рѣчей его текутъ слезы“ ¹⁾. Къ этой рѣчи Алкивіада надо еще прибавить чашу смертоносной цикуты, послужившей достойнѣйшимъ увѣнчаніемъ доблестнаго и благороднаго философа.

Таковъ идеалъ Платонической любви. Сократъ представляетъ въ себѣ сочетаніе божественныхъ и человѣческихъ чертъ любви, что приближаетъ ко Христу этого наилучшаго и по жизни и по ученію язычника. Его жизнь исполнена

¹⁾ Symp. 219. e.—223. a. Hic. XXXV—XXXVIII. 694—696. К. п. 219 сл. Ср. Symp. 213. Hic. XXX. 689. Карп. 210.

самоотверженного подвига любви къ истинѣ, добру и красотѣ,—его ученіе обвѣяно духомъ истины и вдохновеніемъ,—онъ умираетъ съ вѣрою въ побѣду правды надъ кривдою. Но все это истинно-прекрасное и божественное закрыто силеновидною наружностію человѣчности и плотяности, самодовольной гордынею убѣжденнаго въ себѣ и презирающаго другихъ философа—язычника. Безъ вѣры въ боговъ,—не зная, а только ощупью ища Невѣдомаго Бога,—Сократъ въ концѣ концовъ вѣритъ только въ себя, надѣется только на себя, любитъ только себя, а потому остается только человѣкомъ, хотя бы и наилучшимъ.

Въ настоящее время этотъ языческій идеаль стали называть „сверх-человѣкомъ“ и „великолѣпнымъ звѣремъ“. То и другое, по моему, не точно. Для „звѣря“, да еще „великолѣпнаго“ Сократъ и Платонъ (не говорю уже объ Олимпійцахъ, кои и въ отношеніи къ чисто-человѣческому идеалу ниже Сократа во всемъ) недостаточно „звѣри“,—въ нихъ слишкомъ много человѣчнаго, хорошаго и въ отношеніи къ звѣрскости—слабаго,—у нихъ есть искусства, поэзія, наука, увлеченія нравственными идеями, — они вѣрятъ, надѣются, любятъ. Но это и не „сверх-люди“, ибо рѣшительно ничего, превышающаго человѣчество, въ нихъ нѣтъ. Вмѣстѣ съ Олимпійцами Сократъ остается за орбитою истинно божественнаго,—на землѣ,—только на Олимпѣ, а не на небѣ. Болѣе точныя названія тутъ будутъ: „наилучшій или непревосходнѣйшій или великолѣпнѣйшій человѣкъ“, а если ужъ надо одно слово, то „пречеловѣкъ“.

Поучительно: въ Алкивіадовой идеализаціи Сократа, соотвѣтствующей рѣчи самого Сократа, только двѣ части—о природѣ Сократа и его дѣлахъ,—но нѣтъ третьей части, соотвѣтствующей у Сократа созерцанію идеи или сущности любви. Понятно это. Въдѣ въ божественной странѣ Платоновой самокрасоты, самоистины и самоблага есть только *идеи*, но нѣтъ *идеаловъ*,—тамъ не мѣсто ничему личному и живому,—ни Сократу, ни Зевсу.

Какой идеаль любви въ Пѣсни Пѣсней?

Охотно признаемъ, что здѣсь идеализованъ Израиль съ его любовью къ Іеговѣ, также любящему Свой избранный

народъ. Но Израиль—вѣдь это безличность, отвлеченное понятие, собирательное имя. А мы говоримъ о выраженіи идеала въ отдѣльной и дѣйствительной личности. Притомъ, какъ историческая нація, Израиль далеко—не идеаль любви человѣка къ Богу: съ перваго и до послѣдняго момента своей исторіи Израиль является постояннымъ измѣнникомъ Іеговъ и Его завѣту. Вполнѣ соглашаемся и съ тѣми, что выраженіе ветхозавѣтно-іудейскаго идеала вообще и въ частности идеала любви видятъ въ лицѣ Мессіи, особенно въ тѣхъ его конкретно-личныхъ чертахъ, коими онъ изображается въ псалмахъ и у пророковъ (Исаи). Но для Вѣтхаго Завѣта это опять не дѣйствительное лицо, а только олицетвореніе созерцаній вѣры и предметъ надежды на будущій еще идеаль. Притомъ, и въ этихъ изображеніяхъ мессіанскаго идеала отдѣльныя и опредѣленные черты лица нерѣдко расплываются въ безлично-собирательномъ представленіи всего Израиля. Ветхозавѣтный мессіанскій идеаль, какъ и все ветхозавѣтное, примраченъ и лишь неясными контурами выступаетъ какъ бы въ мерцаніи зари. Онъ вполнѣ ясенъ и виденъ весь только подъ лучами Новозавѣтнаго Солнца. Во всякомъ случаѣ будущій идеаль не то, о чемъ теперь рѣчь: намъ нужно лицо или лица, какъ дѣйствительное откровеніе идеала любви ветхозавѣтно-іудейской.

Накакихъ причинъ не видимъ къ тому, чтобы не считать такимъ идеаломъ саму героиню Пѣсни Пѣсней—Суламиту. Самое это собственное (а не нарицательное) имя ея,—точное географическое указаніе ея родины—Сулемъ въ Геяни-саръ или Саронъ,—и родины ея возлюбленнаго—сосѣдній Энгедди,—Соломонъ со свитою на колесницахъ, придворныя дамы, особенно Вааль-Гамонъ—галилейская дача Соломона: все это черты совершенно индивидуальныя и конкретныя, берущія сюжетъ Пѣсни Пѣсней въ исторической обстановкѣ дѣйствительной были.

То правда, что царь „Соломонъ любилъ многихъ чужестранныхъ женщинъ... и было у него семьсотъ женъ и триста наложницъ... и развратили они сердце его, и сердце его не было вполнѣ предано Господу Богу своему, какъ сердце Давида отца его, и сталъ Соломонъ служить Астартѣ и Милхому, и дѣлалъ неугодное предъ очами Господа, и не вполнѣ послѣдовалъ Господу, какъ Давидъ, отецъ его... И

разгнѣвался Господь на Соломона и сказалъ: такъ какъ ты не сохранилъ завѣта Моего и уставовъ Моихъ, что Я заповѣдалъ тебѣ, за это отторгну отъ тебя царство и отдамъ его рабу твоему; но во дни твои Я не сдѣлаю сего ради Давида отца твоего“ ¹⁾).

Но Соломонъ былъ и сыномъ обѣтованія Божія Давиду,—онъ построилъ храмъ Богу,—онъ—богодуховенный поэтъ (Псалмы, Пѣснь Пѣсней), проповѣдникъ добра (Екклесіастъ) и учитель мудрости (Притчи). При семистахъ или шестидесяти женахъ, трехстахъ или восьмидесяти наложницахъ и дѣвицахъ безъ числа,—Суламита была для него конечно только любовнымъ приключеніемъ съ возбуждившею въ немъ чувственную страсть прелестною галилейскою пастушкой,—простою эротическою авантюрою, которую легко было облечь въ законную форму семьсотъ перваго или шестьдесятъ перваго брака. Но, какъ вдохновенный поэтъ и народный мудрецъ, Соломонъ нашель въ этомъ приключеніи поводъ воспѣть ветхозавѣтно-іудейскую любовь и въ лицѣ Суламиты прозрѣлъ *типъ національной любви*, вдохновившій народнаго поэта къ созданію дивной Пѣсни Пѣсней.

Итакъ, вмѣсто философа, поучающаго ремесленниковъ на площадяхъ и своими вдохновенными рѣчами на попойкахъ увлекающаго даровитыхъ юношей,—предъ нами *женщина*, дѣвушка - невѣста, увлеченная любовью къ своему жениху.

Контрастъ идетъ далѣе. Не силено-или сатиро-образный Сократъ, съ уродливою и смѣшною внѣшностію соединяющій идеально-прекрасный духъ (это соединеніе противоположностей тригически необходимо въ платоновомъ ученіи о реальномъ проявленіи идеальной красоты), но личность, имѣющая прекрасную внѣшность и идеально - женственное сердце, — полная гармонія формы и содержанія и совершеннѣйшій идеаль красоты. Суламита прекрасна среди дѣвъ, что лилія среди терна, хотя она и смугла и солнце запалило ее ²⁾. Подъ густыми золотисто-пурпурными кудрями ³⁾ у нея блестятъ, какъ озерки Есевонскіе ⁴⁾, голуби-

¹⁾ 3 Цар. 11, 1 сл.

²⁾ 1, 4. 5. 7,—2, 1.

³⁾ 4, 1,—7, 5—6.

⁴⁾ 7, 5.

ные, свѣтлые и святые, но волнующіе, плѣнительные и полные ласки глаза ¹⁾, бѣлоснѣжные зубы, лента алая—уста, двѣ гранатныя половинки—ланины ²⁾,—отъ нея вѣетъ ароматомъ яблони и упоеніемъ вина ³⁾,—ея голосъ и рѣчь привлекательны, вся она мила и прелестна,—она свѣтитъ зарею, прекрасна какъ луна, свѣтла какъ солнце ⁴⁾.

Такова внѣшность Суламиты. Но въ тоже время она наивна какъ дитя, чиста какъ голубка. Поэзія ея любви вращается въ нѣжныхъ поцѣлуяхъ, братскихъ объятіяхъ, созерцаніи красоты своего возлюбленнаго и желаніи быть неразлучно съ нимъ.

„Да цѣлуетъ меня онъ поцѣлуями устъ своихъ, ласки твои лучше вина“: этотъ прологъ Пѣсни Пѣсней кратко и ясно выражаетъ основной тонъ любви Суламиты—нѣжной, цѣломудренной и постоянной. „Отъ благовонія мастей твоихъ имя твое какъ разлитое миро, поэтому дѣвушки любятъ тебя. Влеку меня, мы побѣдимъ за тобою! Будемъ восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше вина. Достойно любятъ тебя! Скажи мнѣ ты, кого любить душа моя: гдѣ пасешь ты? гдѣ отдыхаешь въ полдень? за чѣмъ мнѣ быть скиталицею возлѣ стадъ товарищей твоихъ? ⁵⁾ Мирровой пучекъ—возлюбленный мой у меня на груди. О, ты прекрасенъ и милъ! ложе у насъ—зелень, кровля—кедры, потолоки—кипарисы ⁶⁾. Что яблонь между лѣсными деревьями, то и возлюбленный мой между юношами: въ тѣни ея люблю я сидѣть и плоды ея сладки для гортани мой. Лѣвая рука его у меня подъ головою, а правая обнимаетъ меня ⁷⁾. Голосъ возлюбленнаго моего! вотъ онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ по холмамъ. Другъ мой похожъ на серну, или на молодого оленя. Вотъ онъ стоитъ у насъ за стѣною, заглядываетъ въ окно, промелькнулъ сквозь рѣшетку. Возлюбленный мой началъ говорить мнѣ: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя! выйди! Вотъ зима уже прошла, мино-

¹⁾ 1, 14,—6, 5,—4, 9.

²⁾ 4, 1—3.

³⁾ 7, 9—10; 4, 3—5.

⁴⁾ 4, 7,—6, 4—10.

⁵⁾ 1, 1—4. 6.

⁶⁾ 1, 12. 15—16.

⁷⁾ 2, 3. 6.

валъ дождь, цвѣты показались на землѣ, время пѣнія (птицъ) настало и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ нашей, смоковницы распустили свои почки, виноградныя лозы расцвѣли и издають благовоніе. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя! выйди, голубка моя, въ ущелье скалы подъ кровъ утеса. Покажи мнѣ лицо твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, ибо голосъ твой сладокъ и лицо твое пріятно. Ловите намъ лисицъ, лисенятъ, что портятъ виноградники,—а виноградники наши въ цвѣту. Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему; онъ пасетъ между лиліями. Доколѣ дышетъ день (прохладю), возвратись, будь подобенъ сернѣ. На ложѣ моемъ ¹⁾ ночью искала я того, кого любить душа моя,—искала и не нашла. Встану же я, пойду по городу, по улицамъ и площадямъ,—буду искать того, кого любить душа моя. Искала я его и не нашла. Встрѣтили меня стражи города: не видали ли вы того, кого любить душа моя? Но лишь я отошла отъ нихъ, какъ нашла того, кого любить душа моя, ухватилась за него и не отпускала его, пока не привела его въ домъ матери моей и во внутреннія комнаты родительницы моей ²⁾. Поднимись ³⁾ вѣтеръ съ сѣвера и принеси съ юга, повѣй на садъ мой,—и польются ароматы его! Пусть придетъ возлюбленный мой въ садъ свой и вкушаетъ сладкіе плоды его.—Пришелъ ⁴⁾ я въ садъ мой, сестра моя невѣста! набрала мирры съ ароматами, поѣлъ сотовъ съ медомъ, наполнился вина съ молокомъ“ ⁵⁾.

„Я сплю ⁶⁾, а сердце мое бодрствуетъ. Голосъ возлюбленного моего. Онъ стучится: отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя,—голова моя покрыта росой, кудри мои—ночною влагою!—Я скинула хитонъ мой,—какъ же мнѣ опять надѣвать его?! Я вымыла ноги мои, какъ же мнѣ марать ихъ?! Возлюбленный мой протянулъ руку свою чрезъ скважину, и внутренность моя взволновалась отъ него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ текла мирра,—и съ пальцевъ моихъ мирра капала на ручки замка.

¹⁾ Это—сонъ Суламиты.

²⁾ 2, 1—3, 4.

³⁾ 4, 16.

⁴⁾ 5, 1.

⁵⁾ 4, 16.

⁶⁾ 5, 2 сл. Это—другой сонъ Суламиты.

Отперла я возлюбленному моему... А возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ. Я искала его и не нашла его,—звала его, и онъ не откликался мнѣ. Встрѣтили меня стражи городскіе, избили меня, истерзали, сняли съ меня покрывало сторожа стѣны. Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія! Если вы встрѣтите возлюбленнаго моего, скажите ему, что я изнемогаю отъ любви.— Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ возлюбленныхъ, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ, что ты такъ закликаешь насъ?—Возлюбленный мой бѣлъ и румянъ, голова его—чистое золото, кудри его волнистыя, черныя какъ воронъ,—глаза его какъ голуби, щеки—цвѣтникъ ароматный, гряды благовонныхъ растеній, — губы его—лиліи, источаютъ текучую мирру, видъ его величественъ какъ кедры, подобенъ Ливану,—уста его—сладость, и весь онъ—милъ. Вотъ кто возлюбленный мой и вотъ кто другъ мой, дщери Іерусалимскія!—Куда пошелъ возлюбленный твой, красавица изъ красавицъ? Мы поищемъ его съ тобою.—Мой возлюбленный пошелъ въ садъ свой, въ цвѣтники ароматные, чтобы пасти въ садахъ и собирать лиліи. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой—мнѣ, онъ пасетъ между лиліями“¹⁾.

„Кто это восходитъ отъ пустыни, опираясь на своего возлюбленнаго?—Подъ яблоню разбудила я тебя: тамъ родила тебя мать твоя“. Уже снова соединенная съ своимъ возлюбленнымъ Суламита взываетъ: „Бѣги, возлюбленный мой! будь подобенъ серниѣ или молодому оленю на горахъ благовонныхъ“! ²⁾ Этимъ призывомъ и кончаются изліянія любви Суламиты.

Чистые поцѣлуи и братскія объятія, подъ покровительствомъ матери Суламиты,—ароматъ горъ и долинъ, цвѣты, наивные сны.... О, тутъ нѣтъ ничего, что бы надо было проносить „съ закрытыми глазами“ или отмѣчать многоточіемъ. Здѣсь все чисто, какъ воздухъ Палестины,—все ясно, какъ весеннее небо Святой Земли.

Но это постоянная и сильная любовь. „Положи меня какъ печать на сердце твое, какъ перстень на руку твою, ибо

¹⁾ 5, 2—6, 3.

²⁾ 8, 5—14.

крѣпка какъ смерть любовь, люта какъ преисподняя ревность, стрѣлы ея—стрѣлы огненные, она—пламень сильнѣйшій, большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ея. Если бы кто давалъ все богатство дома своего за любовь, онъ былъ бы отвернуть съ презрѣньемъ. Я—стѣна и буду въ глазахъ его какъ достигшая полноты“. Въ тоже время Суламита „грозна, какъ полки со знаменами, и недоступна какъ запертый садъ, заключенный колодезь, запечатанный источникъ“ ¹⁾).

Однакожь здѣсь нѣтъ грубой физической силы Сократа, могшаго пить безъ конца и не пьянѣть, проводить безсонныя ночи, ходить босикомъ по снѣгу, выносить людей изъ сраженія на своихъ рукахъ и выстаивать на одномъ мѣстѣ цѣлыя сутки безъ движенія, пищи и сна. Суламита безпомощна во дворцѣ Соломона, вызываетъ о состраданіи къ придворнымъ дамамъ, „изнемогаетъ отъ любви“ и проситъ подкрѣпленія виномъ и освѣженія яблоками ²⁾).

Платоническій эросъ въ лицѣ Соломона здѣсь служить только для контраста и отгѣненія чистой женственной любви Суламиты и ея жениха. „Кобылицѣ моей въ колесницѣ фараоновой я уподобилъ тебя, возлюбленная моя. Прекрасны ланиты твои подъ подвѣсками, шея твоя въ ожерельяхъ, золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками“, говоритъ Соломонъ Суламитѣ за столомъ. „О, какъ прекрасны ноги твои въ сандаляхъ, дщерь именитая! Округленія бедръ твоихъ, какъ ожерелье, дѣло рукъ искуснаго художника! Животъ твой—круглая чаша, гдѣ не истощается ароматное вино. Чрево твое—ворохъ пшеницы, обставленный лиліями. Два сосца твои, какъ два козленка, двойни серны. Шея твоя, какъ столпъ изъ слоновой кости. Глаза твои—озерки Есевонскіе. Носъ твой—башня Ливанская. Голова твоя—Кармилъ, и волосы на головѣ твоей, какъ пурпуръ. Царь увлеченъ кудрями (твоими). Какъ ты прекрасна, какъ привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! *Этотъ* ³⁾ станъ твой похожъ на пальму и груди твои—на виноградныя кисти. Подумалъ я: влѣзъ бы я на пальму, ухватился бы за вѣтви ея,—

¹⁾ 4, 12,—6, 4,—8, 6. 7. 10.

²⁾ 2, 5.

³⁾ Соломонъ говоритъ это въ присутствіи Суламиты.

и груди твои были бы вмѣсто кистей винограда, и запахъ отъ ноздрей твоихъ какъ отъ яблоковъ. Уста твои опьяняютъ, какъ крѣпкое вино“ ¹⁾.

Царскій столъ, кобылица въ фараоновой колесницѣ, ланиты подъ подвѣсками, шея въ ожерельяхъ, ювелиры, округленія бедръ, животъ, чрево, бюстъ и станъ, опьяненіе отъ поцѣлуевъ, даже наконецъ запертый садъ и эта яблонь и виноградныя кисти... Не любви женственно-дѣвственной это языкъ, а грубый жаргонъ платоническаго эроса снова слышимъ мы въ этихъ любовныхъ изліяніяхъ пресыщеннаго царя предъ прекрасною и чистою пастушкою изъ Сулема.

„Я принадлежу другу моему, и ко мнѣ желаніе его: приди, возлюбленный мой, выйдемъ въ поле, поутру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранаты. Тамъ я буду ласкать тебя. Мандрогоры уже пустили благовоніе, и у дверей нашихъ всякіе превосходные плоды, новые и старые, что сберегла я для тебя, мой возлюбленный. О, если-бы ты былъ мнѣ братъ, сосавшій груди матери моей! Тогда я на улицѣ цѣловала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя ароматнымъ виномъ, сокомъ гранатъ моихъ. Лѣвая рука его у меня подъ головою, а правая обнимаетъ меня“ ²⁾ Вотъ нѣжная и чистая мелодія святой любви въ отвѣтъ на бурную страсть грубаго эроса. Суламита совсѣмъ и не слышитъ этихъ любовныхъ изліяній стоящаго предъ нею Соломона и поетъ нѣжную пѣснь чистой любви своему возлюбленному, Енгеддскому пастуху,—такому же чистому дитяти природы, какъ и она сама. Въ этихъ противоположностяхъ между объясненіями Соломона и изліяніями Суламиты со всею ясностію дано различіе въ идеалахъ любви языческой и ветхозавѣтной.

И этотъ идеалъ ветхозавѣтно-іудейской любви именно въ лицѣ женщины-дѣвушки Суламиты — вовсе не случайность. Нѣтъ, отъ первой и до послѣдней страницы ветхозавѣтной исторіи мы созерцаемъ величественные образы любви въ лицѣ великихъ дѣвъ, женъ и матерей, изъ коихъ нѣкто-

¹⁾ 1, 8—11; 7, 2 ср. 4, 1—15.

²⁾ 6, 11—7, 3.

рымъ посвящены даже отдѣльныя книги (кромѣ Суламиты и Пѣсни Пѣсней — Руѡъ, Есѡирь, Іудиѡъ). Праматерь *Ева*, добрая помощница мужу своему, съ ея влеченіемъ къ мужу своему и материнскою любовью къ дѣтямъ своимъ ¹⁾, — *Агарь*, бѣгущая съ ребенкомъ своимъ въ пустыню ²⁾, — *Сарра*, смѣющаяся отъ радости имѣть сына ³⁾, — *Ревекка*, восхищающаяся благословеніемъ Исаака для достойнѣйшаго любимца своего Іакова ⁴⁾, — *Рахиль* съ ея желаніемъ имѣть дѣтей у себя ⁵⁾, — *Оамарь* въ своей любви къ чадородію оказавшаяся правѣе Іуды ⁶⁾, — *Маріамъ*, сестра Моисея и Аарона, вдохновенная поэтесса, пѣвица и пророчица Ветхаго Завѣта ⁷⁾, — *Раавъ* и *Руѡъ* — язычницы, оставившія свои народы и своихъ боговъ и признавшіе Израиля своимъ народомъ и его Бога — своимъ Богомъ ⁸⁾, — пророчица *Девора*, жена Лапидоѡова, бывшая судьей Израиля ⁹⁾, — жена *Маноя* и мать Самсона, ведущая строгій постъ, чтобы возвѣщенный ей сынъ былъ назореемъ и постникомъ отъ чрева матери своей и до смерти ¹⁰⁾, — *Анна*, мать *Самуила* ¹¹⁾, пламенно молящаяся о дарованіи ей сына и самоотверженно посвящающая его на пожизненное служеніе Богу, — *Вирсавія*, какъ вторая Ревекка, ходатайствующая за наслѣдство излюбленнаго сына своего — Соломона ¹²⁾, — *Іосавѡѡъ*, спасающая въ лицѣ малолѣтняго Іоаса отъ истребленія родъ Давидовъ ¹³⁾, — *Іудиѡъ*, *Есѡирь*, *Мученица* — мать семи своихъ сыновей — мучениковъ ¹⁴⁾, съ ихъ героически самоотверженною любовью къ Богу и народу своему. Такъ — до великихъ матерей, какъ бы уже переступающихъ за порогъ новозавѣтнаго храма любви:

1) Быт. 2, 18,—3, 16,—4, 1. 25.

2) Быт. 16, 1 сл.

3) Быт. 18, 13 сл.

4) Быт. 27, 1 сл.

5) Быт. 30, 1 сл.

6) Быт. 38, 1 сл.

7) Исх. 14, 21.

8) Исх. Нав. 2, 1 сл. ср. 6, 24,—Руѡ. 1, 16—17.

9) Суд. 4, 4 сл.

10) Суд. 13, 1 сл.

11) 1 Цар. 1, 1 сл.

12) 3 Цар. 1, 13 сл.

13) 4 Цар. 11, 1 сл.

14) 2 Макк. 7 гл.

Анны, матери Пресвятой Дѣвы ¹⁾.—*Елисаветы*, вдохновенно воспѣвающей святое материнство Дѣвы ²⁾.—*Анны пророчицы*, удостоившейся быть при срѣщеніи Симеономъ Божественнаго Младенца ³⁾. Наконецъ, послѣдній и наипрекраснѣйшій цвѣтокъ Вѣтхаго Завѣта, пресвятѣйшая дочь святаго народа, благоухающая лилія или мирра Святой Земли (корень имени Марія можетъ означать горечь и благоуханіе мирры), чистѣйшая голубица Святаго Духа, по истинѣ „благодатная“, какъ преисполненная божественной любви—*Марія* ⁴⁾ Дѣва и Мать, Которую духовно прозрѣвалъ въ своихъ пророческихъ созерцаніяхъ великій Исаія въ образѣ Дѣвы, матери Иммануила—Богочеловѣка ⁵⁾.

Да, не языческіе культы богинь чадородія и плодородія и не эллинская культура и философія возвели женскую любовь на высоту идеала, а іудейство и христіанство, Древній и Новый Завѣты: это должны знать современные поклонники языческой любви и ученики Великаго Эроса. Не Сократъ съ Платономъ, а Пречистая Дѣва и Мать Богочеловѣка-Иммануила есть могущественная покровительница женщины въ европейской цивилизаціи: этого не должна забывать современная женщина.

„Дѣва, рождающая Иммануила“ — Она вводитъ насъ во святое святыхъ *новозавѣтнаго идеала любви*, какъ Мать *Богочеловѣка*, олицетворяя и осуществляя въ себѣ рожденіе ветхозавѣтной любовью Любви Новозавѣтной.

Эллины, народъ „мудрости“ ⁶⁾, раскрыли идеаль *любви человеческой и къ человѣку*, возвысивъ ее до наивысшаго ея *разума* и *идеи* (*λόγος*, міръ идей). Израиль, народъ „знаменій“, проявилъ міру *любви Божію и къ Богу*, какъ избранникъ этой любви, носитель завѣта Бога съ человѣкомъ, хранитель чудныхъ знаменій и откровеній (*λόγια*) *Любви Бога* къ людямъ и *любви людей* къ Богу ⁷⁾. Своею философій и ис-

¹⁾ Въ Протоєвангеліи Іакова.

²⁾ Лук. 1, 1 сл.

³⁾ Лук. 2, 36 сл.

⁴⁾ Матѳ. 1, 18 сл. Лук. 1, 26 сл.

⁵⁾ Иса. 7, 14.

⁶⁾ I Кор. 1, 22—23.

⁷⁾ Рим. 3, 1 сл. ср. 9, 4—5.

торіей эллинизмъ подготовилъ человѣчество къ усвоенію *разума* новозавѣтной любви, — своею религіей и исторіей іудейство подготовило явленіе по *плоти* отъ Матери Дѣвы — Того, Кто *осуществилъ* эту любовь. Тамъ—*λόγος σπериατικός*, здѣсь—*Стѣмя Жены*. Тамъ—любовь какъ *созерцаніе* божественнаго міра идей или *Логоса*, здѣсь—любовь, какъ *рожденіе* отъ Жены безгрѣшной плоти *Логоса*. Въ осуществленіи христіанскаго идеала любви или „рожденія“ Богочеловѣка „отъ Жены“,—въ этой „великой благочестія тайнѣ“ явленія Бога во плоти“, выраженной у Іоанна Богослова словами: „Слово плотью стало — *Λόγος σάρξ ἐγένετο*“, — „Слово - *Λόγος*“ соотвѣтствуетъ эллинизму, „плоть - *σάρξ*“—іудейству, а самое осуществленіе идеала, это великое и таинственное „*стало-ἐγένετο*“ принадлежитъ *Христу-Богочеловѣку* ¹⁾.

Однако жъ Новозавѣтная Иѣснь Любви не называетъ этого имени — потому же, почему нѣтъ въ ней и имени „Богъ“. Для Апостола, какъ и для каждаго христіанина, что чудное имя безъ словъ слышно въ звукахъ слова „*Любовь*“.

Во Христѣ Иисусѣ мы созерцаемъ этотъ идеаль богочеловѣческой любви. И прежде всего, въ саможертвѣ Божественной Любви для спасенія человѣка и въ уничиженіи Сына Божія во плоти, „ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына любви своей Единороднаго, дабы всякій вѣрующій не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ ²⁾. Въ ученіи Христа мы слышимъ призывъ этой Любви къ блаженству Правды Христовой—нищенства, страданій, кротости, правдоисканія, милосердія, чистоты сердца, миротворенія, гоненій за правду и любовь даже до смерти, — любви ко врагамъ и молитвы за преслѣдователей, чтобы быть намъ сынами Отца нашего Небеснаго, возсіявающаго солнце Свое на людей хорошихъ и плохихъ,—приближаться къ совершенству Его и чрезъ то пріобщаться къ богочеловѣчеству Иммануила ³⁾. Мы созерцаемъ этотъ богочеловѣческій идеаль любви въ дѣлахъ Христа, чудныхъ и любвеобильныхъ,—въ подвигѣ Его самоотверженнаго служенія страждущему человѣчеству до немѣнія, гдѣ главы преклонить, и умовенія ногъ Своимъ уче-

¹⁾ Іоан. 1, 14; 1 Тим. 3, 16; Гал. 4, 4.

²⁾ Іоан. 3, 16; 1 Іоан. 4, 9, 10; Рим. 5, 8; Гал. 4, 4; Кол. 1, 13 др. мн.

³⁾ Матѣ. 5—7 глл.

никамъ ¹⁾),—въ смиреніи и кротости Отрока Божія, возлюбленнаго Избранника и Носителя Духа и благоволенія Божія,—Кто возвѣститъ судъ народамъ, не воспрекословить, ни возопіетъ, и никто не услышитъ на улицахъ голоса Его,—трости надломленной не преломить и льна курящагося не угасить, доколѣ не доставитъ суду (правдѣ) побѣды и на имя Его будутъ уповать народы“ ²⁾). Предъ нами — Основатель непобѣдимаго и всемірнаго царства Любви и Новаго Завѣта, дающій новую заповѣдь: „да любите другъ друга: какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга... какъ возлюбилъ Меня Отецъ, и Я возлюбилъ васъ, — пребудьте въ любви Моей“ ³⁾). Съ благоговѣйнымъ трепетомъ въ отдаленіи присутствуемъ мы при величайшей тайнѣ геесиманскихъ страданій Пастыря и Друга, полагающаго душу Свою за друзей и овецъ Своихъ,—при смертельной тоскѣ, кровавомъ потѣ и моленіи о чашѣ невинныхъ страданій. Съ ужасомъ взираемъ мы на страшныя муки крестныхъ страданій Распятой Любви, но и съ радостію слышимъ ея, по истинѣ богочеловѣческую, молитву за распинателей своихъ: „Отче, прости имъ! ибо не вѣдаютъ, что творять“ ⁴⁾). И въ гробу не остается бездѣйственной эта богочеловѣческая Любовь, но нисходитъ къ мертвецамъ, чтобы и для нихъ зубовой скрежетъ смерти и ада превратить въ блаженство любви и жизни ⁵⁾). Но и послѣ побѣды надъ смертію, Воскресшая Любовь обращаетъ къ намъ, въ лицѣ Ап. Петра, свой трогательный призывъ: „любишь ли Меня“ ⁶⁾)? Наконецъ Она восходитъ на небо, вознося съ Собою и наше человѣчество къ совершенству созерцанія Истины, Добра и Красоты лицомъ къ лицу—въ Божествѣ. Но и вознесшаяся на небо, эта Богочеловѣческая Любовь нисходитъ съ Своихъ надмірныхъ высотъ, чтобы призвать къ Себѣ избранный сосудъ Свой, великаго Апостола народовъ, носителя и пѣвца Новозавѣтной Любви — Павла. И мы вѣруемъ, надѣемся и

¹⁾ Матѳ. 8, 20; Лук. 9, 58; Іоан. 13, 1 сл.

²⁾ Матѳ. 12, 18 сл.

³⁾ Іоан. 13, 34,—15, 9, 12,—17, 26 ср. 1 Іоан. 4, 8, 12, 16, — Еф. 3, 19,—Кол. 1, 13.

⁴⁾ Матѳ. 26, 37 сл. Лук. 22, 43; 23, 34 и другія, сюда относящіяся мѣста.

⁵⁾ 1 Петр. 3, 18—20 ср. 4, 6.

⁶⁾ Іоан. 21, 15 сл.

хотимъ, чтобы эта Богочеловѣческая Любовь низошла къ намъ снова, когда на землѣ изсякнетъ любовь многихъ, потускнѣетъ въ челоуѣчествѣ этотъ Богочеловѣческій Идеаль Любви и Невѣста Христова—Церковь обратится къ Возлюбленному Жениху Своему съ призывнымъ воплемъ: „Приди, Возлюбленный мой! Бѣги, Возлюбленный Мой!“, „Ей, гряди, Господи Иисусе“,—и услышитъ грозный, а вмѣстѣ и радостный гласъ Жениха: „Ей, гряду скоро“ ¹⁾.

Кратко, но полно, этотъ Богочеловѣческій Идеаль показываетъ намъ самъ Пѣвецъ Новозавѣтной Любви въ двухъ возвышенно-вдохновенныхъ начертаніяхъ. Филипп. 2, 5—11: „То помышляйте въ себѣ, что и во Христѣ Иисусѣ, — Кто, будучи въ образѣ Бога, не хищеніемъ почелъ быть равнымъ Богу, но Себя уничижилъ, образъ раба принявъ, въ подобіи людей бывъ и видомъ оказавшись какъ челоуѣкъ,—унизилъ Себя, бывъ послушенъ до смерти, смерти же крестной: посему и Богъ Его превознесъ и даровалъ Ему имя выше всякаго имени, да о имени Иисуса всякое колѣно (племя) преклонится—небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдуетъ, что Господь (есть) Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца“. Въ подлинникѣ это мѣсто, подобно толкуемому отдѣлу, какъ и вообще нерѣдко, особенно въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ, Апостолъ излагаетъ ритмически, что тѣмъ болѣе сближаетъ это начертаніе христіанскаго Богочеловѣческаго Идеала съ новозавѣтною Пѣснью Любви.

Но въ другомъ мѣстѣ мы имѣемъ уже точно такую же по своей внѣшней формѣ пѣснь, какъ и въ 1 Кор. 12, 31—14, 1. Это—1 Тим. 3, 16:

„И безпрекословно великая религіозная тайна:

Онъ (Кто) явился во плоти,
Оправдался въ Духѣ,
Открылся ангеламъ
Проповѣданъ у народовъ,
Принятъ вѣрою въ мірѣ,
Вознесся въ славѣ“.

Таковъ нашъ Идеаль. Этотъ таинственно-чудный Ликъ, преисполненный богочеловѣческой любви, встрѣчаетъ нашъ

¹⁾ Пѣснь Пѣсней 7, 12,—8, 14. Апок. 22, 20,—21, 9.

первый взглядъ на міръ Божій. То любовно и одобрительно, то скорбно и укоризненно смотритъ Онъ на насъ потомъ во все время нашего странствованія по волнамъ житейскаго моря—въ бури и затишье. Онъ же принимаетъ и послѣдній взоръ умирающаго; лаская и ободряя его Своею Богочеловѣческою Любовью, какъ непреложною порукою въ томъ, что эта Любовь пробудитъ нашъ тѣлесный сонъ смерти и снова откроетъ нашъ духовный взоръ въ Своемъ Царствѣ славы—для вѣчной жизни, т. е. для вѣры, надежды, любви—этой стольже вѣчной и нераздѣльной троицы, какъ вѣчна и цѣлостна сама Жизнь. Свѣтлый лучъ этой Богочеловѣческой Любви озаряетъ (вѣра), согрѣваетъ (надежда) и животворитъ (любовь) духъ того, у кого меркнетъ тѣлесное око, холодѣетъ чувственное сердце и слабѣетъ жизнь плоти,—т. е. кто умираетъ, но умираетъ о Господѣ, съ вѣрою, надеждою и любовью къ „Богу Живому, Спасителю всѣхъ людей, преимущественно—вѣрныхъ“ ¹⁾.

Но чувство безсилія моимъ слабымъ словомъ полно начертать всю необъятность Богочеловѣческаго Идеала Новозавѣтной Любви во Христѣ Иисусѣ побуждаетъ меня указать на достойное изображеніе Его въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ Апостольскихъ,—и поспѣшить къ заключительному припѣву Новозавѣтной Пѣсни Любви:

„Достигайте Любви,

И ревнуйте о духовныхъ (дарахъ),

Наипаче жъ, да пророчите“.

Такъ по обычаю заканчиваетъ Апостоль предшествующій отдѣлъ и переходитъ къ слѣдующему. Въ прологѣ Пѣсни, когда еще не была раскрыта Любовь, на первомъ мѣстѣ стоятъ духовные дары, и именно большіе изъ нихъ—пророчество и др., а потомъ уже „путь превосходнѣйшій“, но безъ слова „любовь“. Теперь въ припѣвѣ, когда этотъ путь уже пройденъ и сталъ извѣстенъ Богочеловѣческій Идеаль Любви, она, эта любовь, поставляется на первомъ мѣстѣ, а потомъ—дары духовные, и въ особенности—пророчество. Сравнительное значеніе любви и духовныхъ даровъ показано: предъ

¹⁾ 1 Тим. 4, 10.

пѣсню любви—въ порядкѣ восходящемъ, послѣ пѣсни—въ порядкѣ нисходящемъ.

„Ревнуйте о дарахъ духовныхъ“, и именно о дарахъ сердца, стоящихъ подъ покровительствомъ *Надежды*, какъ силы *утѣшающей*. Это—музыка, художества, поэзія, языки или религиозный восторгъ, исцѣленія или врачевство, вспомошествованія, служенія Богу и ближнему—вообще все, что является преимущественнымъ выраженіемъ чувства *Любви*.

„Наипаче жъ—пророчьте или прорицайте, какъ древнеслав. и св. Алексій: дары *ума*, стоящіе подъ покровительствомъ *Вѣры*, какъ силы *озаряющей*. Это: слово (*λόγος*) мудрости (учительство, теософія или философія), слово знанія (науки), вѣра созерцательная, различеніе духовъ, толкованіе языковъ (переложеніе словъ и звуковъ во время религиознаго восторга на общепонятную рѣчь и въ общепонятныя формы) и пророчество, какъ вдохновенное воспріятіе и сообщеніе другимъ наивысшихъ и болѣе таинственныхъ предметовъ христіанской вѣры, соединенное съ увѣщаніемъ, назиданіемъ и утѣшеніемъ вѣрующихъ,—вообще все, что служитъ выраженіемъ *разума Любви*. Апостолъ ставитъ дары ума, во главѣ съ пророчествомъ, болѣе преимущественнымъ сравнительно съ дарами сердца и чувства предметомъ рвенія духа христіанскаго, ибо въ нихъ менѣе личнаго, темнаго и неупорядоченнаго, болѣе общепонятнаго и нужнаго для всѣхъ,—что служитъ выраженіемъ не личныхъ только чувствъ и настроеній, но служитъ къ увѣщанію, назиданію и утѣшенію всей Церкви.

Но „*Любви достигайте*“: не только ревнуйте, но бѣгите за нею, гонитесь безъ оглядки, пусть она непреодолимо влечетъ васъ къ себѣ, захватывая все ваше существо, — догоняйте ее, какъ нѣкую подвижную и постоянно дѣятельную силу, „гоните“ — точно и сильно передаютъ древне-славянскіе тексты и св. Алексій греческое *διώχετε*—какъ охотникъ гонится за добычею. Это—дары *воли*, стоящей подъ преимущественнымъ покровительствомъ *Любви*, дѣйствующей, какъ сила порождающая и направляющая, въ дарахъ ума и чувства ¹⁾. Это—дары *дѣйствія силъ* или энергія всѣхъ проявленій духовной жизни,—и *управленія*—владычество надъ всею

¹⁾ Ср. Гал. 5, 22.

жизнiю духа и его дарами,—вообще даръ *воли Любви*, дѣйствующей въ вѣрѣ и надеждѣ. Какъ „большую“ въ этой нераздѣльной и единосущной Троицѣ проявленiй жизни человѣческой и божественной, Любовь надо созерцать, такъ сказать, на первомъ мѣстѣ, стараться достигать ее первою и въ ней находить царскiй путь духовной жизни.

Въ этомъ припѣвѣ Новозавѣтной Пѣсни Любви данъ всеобщiй и вѣчный путеводитель всѣмъ пролагателямъ „новаго пути“, защитникамъ „старого“ и искателямъ „средняго“. Въ христіанствѣ нѣтъ никакихъ другихъ дорогъ, кромѣ единого и „превосходнѣйшаго пути—Любви“. Отъ псаломщика до вдохновеннаго композитора, отъ иконописца до великаго художника, отъ народной притчи до возвышенной теософiи,—публицисты, поэты, учителя, врачеватели и цѣлители, благотворители, братья и сестры милосердiя, мужескiй полъ и женскiй, эллины и iудеи, варваръ и скины, малый и великiй, знатный и незнатный, мудрецъ и простецъ, читатель Кифы, или Аполлоса, или Павла:—здѣсь Одинъ и Тотъ же Богъ (Отецъ, Сынъ и Духъ соотвѣтственно Любви, Вѣрѣ и Надеждѣ) производитъ все во всемъ, дабы каждому проявленiе духа было на пользу и объединяло всѣхъ и все, съ одинаковымъ необходимымъ значенiемъ, въ единомъ, многообразно и стройно сочлененномъ, Тѣлѣ Христовомъ ¹⁾. Здѣсь все—Божіе. Но это Божіе есть *Любовь*, какъ *дѣйствующая* въ насъ, чрезъ *созерцанiе* *вѣры* въ соединенiи съ *упованiемъ* *надежды*, *сила Богочеловѣческаго Идеала Любви* во Христѣ Иисусѣ. И она—это Божіе или Любовь дѣйствительна потому лишь дотолѣ, пока не произносится *анагема на Иисуса* и пока Иисусъ называется *Господомъ*, т. е. пріемлется какъ Идеаль Богочеловѣческой Любви ²⁾. Далѣе слѣдуетъ уже хула на Духа, не отпускаемая ни въ семъ вѣкѣ ни въ будущемъ,—отрипанiе любви и отсутствiе ея, а потому холодъ и ничтожество вѣчной смерти ³⁾.

Израиль—народъ надеждъ и знаменiй, эллины—народъ вѣры или созерцанiя и мудрости, христіанство есть внѣнародное соединенiе и претворенiе знаменiй и мудрости, надежды и вѣры—въ любви, дѣйствующей въ вѣрѣ и надеждѣ

¹⁾ 1 Кор. 3, 7; 12, 11. 13 сл. Еф. 2, 14 сл. 4; 15 сл.

²⁾ 1 Кор. 12, 3.

³⁾ Матѳ. 12, 31 сл. и пар. 1 Кор. 13, 1—3; Апок. 2, 11; 20, 6. 14; 21, 8.

Ветхій Завѣтъ былъ религіей закона, правды, добра. Эллинизмъ создалъ культъ красоты, истины и разума. А на знамени Новаго Завѣта начертаны: „любовь и милость, ни эллинъ-ни іудей, а новочеловѣкъ по Христу и Богу“.

„Любовь“, осуществляющая истину, добро и красоту—вотъ символъ Новаго Завѣта,—христіанство есть религія „Любви“.

„Достигайте любви“: этотъ Завѣтъ Любви, какъ бы въ видѣ эха отъ своей вдохновенной пѣсни, изъ-за дали вѣковъ и пространствъ, шлетъ намъ Великій Апостолъ внѣнародной и всечеловѣческой любви—Павелъ, слуга и сотрудникъ Христа, Спасителя всего міра ¹⁾.

Но при избраніи предмета рѣчи я имѣлъ въ виду не одно только то, чтобы найти въ Новомъ Завѣтѣ „отвѣтъ всякому, требующему у насъ отчета (разума или смысла) въ нашемъ упованіи“ и нашей вѣрѣ ²⁾. У насъ была и другая, достолюбезная христіанскому сердцу, цѣль. Мы знаемъ теперь, что рѣчь Апостола о любви представляетъ вдохновенную пѣснь—съ прологомъ, тремя отдѣленіями или строфами и припѣвомъ или эпилогомъ. Частіе: этотъ гимнъ имѣетъ *диамирамбо-лирическую* форму, съ *трагическимъ оттенкомъ* въ первой строфѣ, излагающей какъ бы *трагически необходимое значеніе* Любви: „говорить языками человѣческими и ангельскими, всѣ тайны знать и всю науку, пророкомъ быть и горы переставлять, раздать имѣніе и наконецъ подвергнуться сожженію и мученической смерти,—и быть ничто—безъ любви“. Во второй строфѣ преобладаетъ *лиризмъ*: „любовь долготерпитъ, милосердуетъ любовь, не превозносится, не надмѣвается, не знаетъ безобразія, не ищетъ своего, не прогнѣвается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣруетъ, всего надѣется, все переноситъ“: здѣсь какъ бы сама

¹⁾ Для сужденія объ универсальности Любви и всеобщности осуществленнаго Богочеловѣкомъ спасенія ср. Іоан. 1, 2—3. 10—10. 29; 3, 16. 17; 4, 42,—6. 33. 51,—8. 12; 9, 5; 12, 46—47; 17, 21. 23,—18. 37; 1 Іоан. 2. 2; 4, 14. 17; 5, 4—5; Іак. 1, 18; Апок. 11, 15; Рим. 1, 20; 3, 6. 18; 5, 12. 13; 8, 19—22; 11, 12. 15; 1 Кор. 6, 2; 15 гл. всю, особ. 28 ст.; 2 Кор. 5, 19; 6, 14; Еф. 1, 10. 22—23; Филип. 2, 10 сл. Кол. 1, 3—23; 1 Тим. 1, 15; 3, 16 др. мн.

²⁾ 1 Петр. 3. 15.

любовь устами Павла или Павелъ отъ лица любви раскрываютъ предъ нами свое сердце, поющее внутреннюю *природу любви въ лирической мелодіи*. Третья строфа спокойно и объективно изображаетъ, какъ бы рассказываетъ *сущность любви въ этически-повѣствовательной формѣ*: „любовь отнюдь не престаесть, хотя пророчества исчезнутъ, языки прекратятся, и знанье упразднится: отчасти вѣдь мы знаемъ, отчасти и пророчимъ, когда жъ настанетъ совершенство, сіе „отчасти“ упразднится: когда я былъ младенецъ, глаголалъ какъ младенецъ, и думалъ какъ младенецъ, и мыслилъ какъ младенецъ, когда жъ сталъ мужемъ я, то упразднилъ младенчество свое: теперь вѣдь [видимъ мы чрезъ зеркало въ загаткѣ, тогда жъ—лицомъ къ лицу,—теперь отчасти знаю, тогда жъ познаю, какъ и познать: такъ—пребываетъ вѣра-надежда - любовь,—троица эта,—большая жъ въ этихъ—любовь“. Сюда же надо отнести объективно - нравоучительное двустипіе пролога: „ревнуйте о дарахъ наибольшихъ,—и еще превосходнѣйшій путь покажу вамъ“ и трестипіе эпилога: „достигайте любви, и ревнуйте о дарахъ, наипаче жъ пророчьте“.

Но если, хотя и не въ собственномъ смыслѣ, мы можемъ говорить объ этихъ формахъ общечеловѣческой поэзіи примѣнительно къ содержанію и внутренней сторонѣ апостольскаго гимна, то его внѣшне-звуковой ритмъ или музыка стиха по существу не соответствуетъ ни древне-греческой метрикѣ, ни новѣйшимъ силлабикѣ и тоникѣ. Въ апостольской пѣсни ритмъ совершенно своеобразный. Предъ этимъ ритмомъ метрика отзывается монотонностью нашихъ былинниковъ или нищихъ слѣпцовъ, силлабика кажется простою прозою, а тоника, особенно съ риемою, напоминаетъ дѣтскія выкрикиванья и наборъ созвучныхъ словъ. Полетъ *мысли*, а тѣмъ болѣе движеніе *чувства* вдохновеннаго Пѣвца Ново-завѣтной Любви не скованы механизмомъ ни одного изъ этихъ родовъ стихосложенія. Ея ритмъ состоитъ въ одновременномъ и совмѣстномъ согласіи слоговъ, словъ и удареній,—въ гармоніи не только музыкальной, но и логической,—соотвѣтствіе не только звуковъ, но и словъ,—и не однихъ словъ, а и мыслей. Однакожъ это—не Горгіасовская риторика, или греческая ритмическая проза. Сходство здѣсь есть, но оно указываетъ только на единство общихъ зако-

новъ поэзіи у всѣхъ людей ¹⁾. Этотъ ритмъ присущъ всей Ветхозавѣтной Библии (въ масоретской стихометріи)—книгамъ прозаическимъ въ меньшей, а книгамъ поэтическимъ въ большей степени. Это—ритмъ древне-еврейской синагоги, отраженіе его мы видимъ въ греческомъ переводѣ LXX, въ оригинальныхъ греческихъ подражаніяхъ библейскимъ книгамъ, во многихъ мѣстахъ Сивиллы и пр. Онъ широко разлитъ и въ Новомъ Завѣтѣ: мы слышимъ его въ блаженствахъ, молитвѣ Господней, рѣчи Господа противъ книжниковъ и фарисеевъ, въ пѣсняхъ Захаріи, Елисаветы, Симеона, Пресвятой Дѣвы,—во всемъ почти евангеліи Іоанна, напр. въ прологѣ, бесѣдѣ съ Никодимомъ, рѣчи Крестителя, прощальной бесѣдѣ, воззваніи Ѳомы, призваніи Петра къ любви и др.,—въ соборныхъ посланіяхъ, многихъ пѣсняхъ Апокалипсиса и во всѣхъ посланіяхъ Павла, особенно же въ 1 къ Коринѣянамъ и преимущественно въ отдѣлѣ о духовныхъ дарахъ и воскресеніи, въ 12—15 главахъ, гдѣ помѣщена и Новозавѣтная Пѣснь Любви—съ наиболѣе строгою выдержанностію этого ритма. Но сложность и научная спеціальность предмета не даютъ ему мѣста въ публично-популярной рѣчи и не допускаютъ ближайшихъ выясненій особенностей этого ритма. Замѣчу только, что этому ритму наиболѣе соответствуетъ складъ нашей народной поэзіи—пословицъ, притчей, особенно же народно-религіозныхъ пѣсень.

Но... молитва Господня, блаженства, пѣсни Богоматери и Симеона поются за нашимъ богослуженіемъ и имѣютъ прекрасныя музыкальныя переложенія, принадлежащія великимъ нашимъ композиторамъ. Поется и перелagается даже символъ вѣры, совсѣмъ неимѣющій въ себѣ, ни по содержанію ни по формѣ, ничего поэтическаго. На тѣхъ членахъ Тѣла Христова, кои обладаютъ нужнымъ для сего даромъ, лежитъ долгъ—дать музыкальную обработку Новозавѣтной Пѣсни Любви. А надѣленные дарами дѣйствія силъ и управленія должны ввести пѣніе этого несравненнаго гимна

¹⁾ Ср. Ioh. Weiss, Beiträge zur Paulinischen Rhetorik въ Theologische Studien, изданныхъ въ честь 70 лѣтней годовщины Bern. Weiss'a его учениками и почитателями: Gregory, Ad. Harnack, Besch O. Ritschl'емъ и др. Götting. 1897, S. 165—247,—къ 1 Кор. 13 гл. см. стр. 196 сл.

въ церковное богослуженіе. На Западѣ уже есть музыкальная композиція гимна. Она принадлежит извѣстному Брамсу.

Въ качествѣ уполномочивающаго образца и авторитетнаго предваренія для русской церкви могутъ служить *музыкальныя значки въ рукописныхъ церковно-богослужебныхъ апостолахъ и евангеліяхъ*,—значки, служащіе показателями музыкальных вибрацій или измѣненій голоса при пѣвучемъ и мелодичномъ речитативѣ церковнаго чтенія дневныхъ евангелій и апостоловъ.

Отъ надѣленныхъ даромъ композиціи музыкальное переложеніе гимна будетъ достойною данью Великому Пѣвцу Новозавѣтной Люви.

Это пожеланіе да послужить не бездѣйственнымъ концомъ моей слабой рѣчи о столь великомъ предметѣ, какъ

Л Ю Б О В Ь.

Приводимъ подлинный текстъ Пѣсни примѣнительно къ ритму русскаго народнаго стихосложенія. Греческій текстъ—обычною орѳографіей. Въ русской транскрипціи постепенность усиленія удареній къ концу стиха отмѣчена: точкою, двумя точками, чертою горизонтальною и чертою вертикальною, наконецъ курсивомъ указаны слова и стихи съ главнѣйшимъ логическимъ удареніемъ. Цифры и буквы означаютъ количество слоговъ и мѣсто удареній,—сначала—общее количество слоговъ (цифры) и мѣсто главнаго, т. е. послѣдняго въ стихѣ ударенія (буквы), потомъ—мѣсто ударенія отъ начала, наконецъ—мѣсто ударенія отъ конца стиха. Русскій переводъ даемъ дословно-точный, также примѣнительно къ ритму народнаго стиха. Варіанты текста, ритма и перевода помѣщаемъ подъ чертою.

I. Прологъ.

1. Ζηλοῦτε δὲ τὰ χαρίσματα τὰ μέζονα·

2. Καὶ ἔτι καθ' ὑπερβολὴν ὁδὸν ὑμῖν δείκνυμι ¹⁾).

Зилу́те де та харі́смата та мѣ́зона,—13в=2. 7. 11=3. 7. 12.

Кзѣти кат *гиперболѣн*—*одѡн* гимин дѣ́кними. 15в=2. 10. 13=
3. 6. 14.

Ревнуйте (жѣ) о дарахъ наибольшихъ,—

И еще *превосходнѣйшій* путь покажу вамъ ²⁾).

II. Первая строфа.

3. Ἐὰν ταῖς γλώσσαις

4. τῶν ἀνθρώπων λαλῶ

5. καὶ τῶν ἀγγέλων,

¹⁾ Оп. τὰ—τὰ въ 1 ст. и δείκνυμι ὑμῖν во 2-мъ.

²⁾ Вамъ покажу.

6. ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω·
7. γέγονα χαλκὸς ἡχῶν,
8. ἢ κύμβαλον ἀλαλάζον. ¹⁾

Э̄ан тэс глос̄сэс=5б=2. 4=2. 4.

Тон антропон лалó=6а=(1). 3. 6=1. 4. (6).

Кэ тōн ангéлон=5б=2. 4=2. 4.

Αγάπην δε μι έχο=7б=2. 6=2. 6.

Гёгона ²⁾ χαλκός ιχόν=7а=(1). 5. 7=1. 3. (7).

И кимвал(он) алаλάзон=7б=2. 6=2. 6. ³⁾

Если я ⁴⁾ языками

Людей глаголю

И (даже) Ангеловъ,—

Любви же не имѣю:

Являюсь мѣдью я звенящей,

Иль кимваломъ звучащимъ.

* * *

9. Καὶ εἰν ἔχω προφητείαν
10. καὶ εἰδῶ τὰ μυστήρια πάντα
11. καὶ πᾶσαν τὴν γινῶσκαι,
12. καὶ εἰν ἔχω πᾶσαν τὴν πίστιν,
13. ὥστε ὁρη μεθιστάναι,
14. ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω—
15. οὐθέν ἐίμι. ⁵⁾

К(э)ан э̄хо проφити́ан=8б=3. 7=2. 6 (7б=2. 6=2. 6).

К(э)идō та мист̄ирια панта=10б=3. 6. 9=2. 5. 8 (9б=2. 5. 8=2. 5. 8).

Кэ п̄асан тин гнóсин,—6б=2. 5=2. 5.

К(э)еан э̄хо п̄асан тин п̄и́стин=10б=3. 6. 9=2. 5. 8 (9б=2. 5. 8=2. 5. 8).

¹⁾ ἐν εἰμι вм. γέγονα въ 7 ст. и κύμβαλος ἀλαλάζων 8 ст.

²⁾ или: γένημι или: γενήμι=3. 5. 7.

³⁾ Соответствія въ ст: 3 и 5, 4 и 7, 6 и 8.

⁴⁾ Можно: коли.

⁵⁾ μεθιστῆν и μεθιστάνειν въ 13 ст. и ὡφελοῦμαι вм. εἰμί въ 15 ст.

Ост(е) ѡри меѡиѡтанѣ ¹⁾,—=86=3. 7=2. 6 (76=2. 6=2. 6).

Агѡпин де ми ѡхо:—76=2. 6=2. 6.

Уѡѡн имѣ (ѡфелѣмѣ)=4в(а) или 66=2. 5=2. 5. ²⁾

И если я пророцество имѣю, ³⁾

И знаю тайны всѣ я,

И всю науку,—

И если вѣру всю имѣю,

Чтобъ горы престаивать,—⁴⁾

Любви же не имѣю:

Ничтожность—я.

(Нѣтъ пользы мнѣ).

*
* *

16. Καὶ ἐὰν ποιῶ πάντα τὰ ἐπάρχοντά μου,

17. καὶ ἐὰν παραδῶ τὸ σῶμα μου ἵνα κληρώσομαι,

18. ἀγάπην δὲ μὴ ἔχω,

19. οὐδὲν ὀφελῶμαι. ⁵⁾

Кѡеан (кѡан, кан) псомѣзо пѡнта та гилѡрхонтѣ му,=13(14)6=

4. 6 (10). 12=2. 4. 8. 10

Кѡеан (кѡан, кан) парадѡ то сомѣ му (ги)на кавѡисомѣ,=4. 7.

(6). 12=3 (2). 9 (8). 11 (10).

Агѡпин де ми ѡхо:—76=2. 6=2. 6.

Уѡѡн ѡфелѣмѣ.=66=2. 5=2. 5. ⁶⁾

И если все раздамъ имущество свое,

И если тѣло я предамъ свое,

Чтобъ быть сожженнымъ мнѣ,—

Любви же не имѣю:

Нѣтъ пользы мнѣ.

*
* *

¹⁾ меѡиѡтан=14 ст

²⁾ Соотв. ст. 9. 13 и 14,—10 и 12, 11 и 15,

³⁾ и коль пророцествомъ владѣю.

⁴⁾ Дабы и горы престаивать.

⁵⁾ κληρώσομαι ст. 17 не имѣетъ для ритма значенія.

⁶⁾ Соотв. 16 и 17, 18 и 19 ст.

III. Вторая строфа.

20. Ἡ ἀγάπη μακροθυμεῖ

Ги агāпи макровимі́: (тема)=8а=3. 8=1. 6.

Любовь долготерпитъ: ¹⁾

*
* *

21. Χρηστεύεται ἡ ἀγάπη,

22. οὐ ζηλοῖ ἡ ἀγάπη,

Христѣветэ (ги) агāпи,=8 (7) 6=2 (3). 7 (6)=2. 7.

У зилі́ ги агāпи,=7 6=3. 7=2. 5

Милосердуетъ Любовь,

Не завидуетъ Любовь,

*
* *

23. οὐ περιερεύεται

24. οὐ φουβιοῦται

У перперев(е)тэ,=6в (5 6).

У фисиу́тэ,=5б.

Не превозносится,

Не надмѣвается,

*
* *

25. οὐκ ἀσχημονεῖ,

26. οὐ ζητεῖ τὰ ἑαυτῆς,

27. οὐ παροξύνεται,

28. οὐ λογίζεται τὸ κακόν,

Ук асхимони́,=5а.

У зити́ т(аге) автис,=7 (5)а.

У пароксінетэ,=6в.

У логизетэ (то) како́н,=8 (7)а=3. 8=1. 6.

Не знаетъ безобразія,

Не ищетъ своего,

Не прогнѣвается,

Не мыслитъ зла,

*
* *

¹⁾ великодушна.

29. οὐ χαίρει ἐπὶ τῇ ἀδικείᾳ,

30. συγχαίρει δὲ τῇ ἀληθείᾳ,

У х̄ри (е)пи ти адикі́а,=10 (9)б=2. 9 (8)=2. 8 (9).

Сυγχᾱρει δε ти алиѳі́а,=9б=2. 8=2. 8.

Не радуется о неправдѣ.

А сорадуется истинѣ,

*
* * *

31. πάντα στέγει,

32. πάντα πιστεύει

33. πάντα ἐλπίζει,

34. πάντα ὑπομένει

П̄анта ст̄еги,=4б=1. 3=2. 4.

П̄анта писте̄ви,=5б=1. 4=2. 5.

П̄ант(а) елп̄ізи,=5 (4)б=1. 4 (3)=2. 5 (4).

П̄ант(а) гипом̄ени.=6 (5)б=1. 5̄ (4)=2. 6 (5) ¹⁾

Все покрываетъ,

Всему вѣруетъ,

Всего надѣется,

Все переноситъ.

IV. Третья строфа.

35. Ἡ ἀγάπη οὐδέποτε πίπτει· ²⁾

Ги ага̄пи уде̄поте п̄іпти ³⁾. =10 (9). б=3 (2). 6 (5). 9 (8)=2.
5. 8.

Любовь отнюдь не престаеѣтъ. ⁴⁾

*
* * *

36. εἴτε (δὲ) προφητεῖαι—καταργηθήσονται,

37. εἴτε γλώσσαι—παύσονται,

¹⁾ Соотв. стихи: 20—тема стоитъ особнякомъ, 21—22, 23—24, 25—26, 27—28, 29—30 и 31—34.

²⁾ оп. ἡ чит. ἐκπίπτει.

³⁾ уде̄пот екп̄іпти.

⁴⁾ Тема строфы, стоящая особнякомъ.

38. εἴτε γνώσεις—καταργηθήσεται ¹⁾

Ите (де) *профитиэ*—катаргиѳи́сонтэ,=13 (12)в=1. 5 (6). 11=2. 5. 8.

Ите *глоссэ*—павсонтэ,=7в=1. 3. 5=3. 5. 7.

Ите *глосис*—катаргиѳи́сетэ,=10в=1. 3. 8=3. 8. 10.

Хотя пророчества исчезнуть,

Языки прекратятся,

И знание упряднится.

* *

39. Ἐκ μέρους γὰρ γινώσκομεν ²⁾

40. καὶ ἐκ μέρους προφητεύομεν.

41. ὅταν δὲ ἔλθῃ τὸ τέλειον,

42. τὸ ἐκ μέρους καταργηθήσεται. ³⁾

Ек *мѣрус* гар гинѳо́скомен,=8в=2. 6=3. 7.

кѣк *мѣрус* проѳите́вомен,=8в=2. 6=3. 7.

Гѳтан де ѳлѳи то *тѣлио*,=9в=4. 7=3. 6.

Т(о) ек *мѣрус* катаргиѳи́сетэ,=9в=2. 7=3. 8. ⁴⁾

Отчасти вѣдь мы знаемъ,

Отчасти и пророчимъ:

Когда-жъ настанетъ ⁵⁾ совершенство,

Сіе „отчасти“ упряднится.

* *

43. Ὅτε ἤμην νήπιος,—⁶⁾

44. ἐλάλουν ὡς νήπιος,

45. ἐφρόνουν ὡς νήπιος,

46. ἐλογιζόμεν ὡς νήπιος. ⁷⁾

¹⁾ γνώσεις καταργηθήσονται. Эти три стиха соответствуют между собою.

²⁾ δε вм. γαρ, др. оп.

³⁾ Приб. τότε предъ το

⁴⁾ Соотв. всѣ четыре стиха, особенно же: 39—40 и 41—42.

⁵⁾ придетъ

⁶⁾ Приб. δε послѣ οτε.

⁷⁾ ὡς νήπιος ἐλάλουν
ὡς νήπιος ἐφρόνουν,
ὡς νήπιος ἐλογιζόμεν.

47. *ὅτε γέγονα ἐνῆρ,* ¹⁾

48. *κατήγγα τὰ τοῦ νηπίου.* ²⁾

Готе ³⁾ ѿмин нѣпиос, = 7в = 3. 5 = 3. 5.

Ελᾱλун гос нѣпиос, = 7в = 2. 5 = 3. 6

Εφρῶнун гос нѣпиос, = 7в = 2. 5 = 3. 6.

Ελογιζῶмин гос нѣпиос: ⁴⁾ = 9в = 4. 7 = 3. 6.

Готе гѣгона *ανῆρ*, ⁵⁾ = 7а = 3. 7 = 1. 5.

Κατίργика та ту нипиу. ⁶⁾ = 9б = 2. 8 = 2. 8. ⁷⁾

Когда я былъ младенецъ,—

Глаголалъ какъ младенецъ,

И думалъ какъ младенецъ,

И мыслилъ какъ младенецъ: ⁸⁾

Когда жъ сталъ мужемъ я,

То упряднили младенчество свое.

*
* *

49. *Вλέπομεν γάρ ἄρτι δι' ἐσόπτρου ἐν αἰνίγματι,* ⁹⁾

50. *τότε δὲ πρόσωπον πρὸς πρόσωπον*

51. *ἄρτι γινώσκω ἐκ μέρους,*

52. *τότε δὲ ἐπιγνώσκει καθὼς καὶ ἐπεγνώσθη.*

Влѣпомен гар *ἄρτι* ди есо́птру ен эни́гмати, = 15в = 1. 5.

13 = 3. 7. 11. 15

¹⁾ *ὅτε δὲ ἐγενόμην ανῆρ.*

²⁾ *τὰ τοῦ νηπίου κατήγγα.*

³⁾ готе дѣмин

⁴⁾ Гос нѣпиос *ελᾱлун*,

Гос нѣпиос *εφρῶнун*,

Гос нѣпиос *ελογιζῶмин*.

⁵⁾ Готе де егонѡмин *ανῆρ*,

⁶⁾ *Та ту нипиу каτίргика.*

⁷⁾ Соотв. 43—46 и 47—48 (?). Можетъ быть надо:

Гѡте де *ανῆρ* гѣгона,

Та ту нипиу *κατίргика*.

⁸⁾ Когда младенцемъ я былъ,—

Какъ младенецъ говорилъ,

Какъ младенецъ помышлялъ,

Какъ младенецъ рассуждалъ.

⁹⁾ *δε* вм. *γάρ*, иные оп. Др: *ὡς ἐν καί*, иные оп. *ἐν αἰνίγματι*.

Тѣмъ де—прѣсопоп прос прѣсопоп:—10в—1. 4. 8—3. 7. 10.

Арти гиѣоско ек мѣрус,—8б—1. 4. 7—2. 5. 8.

Тѣмъ де епигѣосомѣ каѣос кѣ епегѣосѣин.—15. 6—1. 6. 10. 14—
2. 6. 10. 15 ¹⁾

Теперь вѣдѣ видимъ мы чрезъ зеркало въ загадкѣ,

Тогда жъ—лицомъ къ лицу:

Теперь отчасти знаю,

Тогда жъ познаю какъ и познанъ (я)

* * *

53. *Nyni δὲ μένει*—²⁾

54. *πίστις—ἐλπίς—ἀγάπη*,—

55. *τὰ τρία ταῦτα*.

56. *μείζων δὲ τούτων ἡ ἀγάπη*.

Нини де мѣни—5б—2. 4—2. 4.

Пѣстис—елпѣс—агапи,—7б—1. 4. 6—2. 4. 7.

Та трѣа тѣвта:—5б—2. 4—2. 4.

Мѣзон де тѣтон (ви) Агапи—9б—1. 4. 8—2. 6. 9. ³⁾

Такъ—*пребываетъ*

Вѣра-Надежда-Любовь,—

Троица эта:

Но большая изъ нихъ—Любовь: ⁴⁾

V. Эпилогъ.

57. *Λάχετε τὴν ἀγάπην*,

(58. *ζηλοῦτε δὲ τὰ πνευματικά*,

59. *μᾶλλον δὲ ἵνα προφητεύητε*.)

Дѣѣкетѣ тин агапи.—8б—2. 7—2. 7. ⁵⁾

(Зилѣте де та пневматика,—9а—2. 9—1. 8.

¹⁾ Соотв. 49—50 и 51—52.

²⁾ Др: *μένει* *δέ*.

³⁾ Соотв. все четверостишіе, но особенно: 53 и 55, 54 и 56.

⁴⁾ Большая жъ въ этихъ (въ нихъ, изъ нихъ)—Любовь.

⁵⁾ Эпилогомъ къ Пѣсни Любви служить собственно только этотъ стихъ, а 58—59 стихи являются переходомъ и темою къ слѣдующей—14-й главѣ, чѣмъ и объясняется несоотвѣтствіе въ ритмѣ и его неровность.

Маллон де (гн)на профитевите=9в=1. 4. 7=3. 6. 9. ¹⁾

Достигайте Люби.

[И ревнуйте о духовныхъ (дарахъ),

Наипаче жъ, да пророчите]. ²⁾

М. Муретовъ.

Поправка: на 600-й страницѣ послѣ 6-й строки пропущено:

Личность въ наивысшемъ ея проявленіи (гениальность) есть преимущественный предметъ любви языческой, — семья, родное по плоти и свой Богъ составляютъ исключительную область любви іудейской, — христіанство единить эллина и іудея въ наивысшемъ синтезѣ любви къ человѣчеству въ богочеловѣчествѣ Христовомъ. Языческая любовь къ себѣ самому дана и въ іудейско-христіанской любви, ибо Евангеліе и Законъ предписываютъ любить ближняго не *болѣе*, а *какъ* себя самого. Но въ іудействѣ эта языческая любовь къ себѣ самому и къ любящему меня расширена и вмѣстѣ ограничена съ одной стороны — любовью *къ своему* ближнему, родному, Израилю по плоти и вѣрѣ, независимо отъ личн.хъ съ нимъ отношеній, а съ другой — всецѣло самоотверженной (*всѣмъ* сердцемъ, *всею* душею, *всею* мыслію) любовью къ „Господу *своему*“ — Богу *Израилеву*, въ коей дана и любовь къ ближнему своему (Лев. 19, 18; Втор. 6, 5; 32, 35; Прит. 24, 17; Мѣ. 22, 37—39 ср. Еф. 5, 29 др.). А христіанская любовь идетъ еще далѣе, открывшая это „мое“ въ ближнемъ и Богѣ: какъ въ Богѣ она видитъ Отца *всѣхъ* людей, хорошихъ и плохихъ, — такъ и въ *каждомъ* человѣкѣ она любитъ своего брата, своего родного, одинаковаго съ собою носителя Образа Божія и сына Небеснаго Отца (Мѣ. 5, 44—48). Приэтомъ любовь къ человѣчеству (вмѣсто іудейскаго „ближняго своего“), равносильная (языческой) любви къ себѣ самому, въ христіанствѣ (какъ и въ іудействѣ) покрывается любовью (вмѣсто Бога Израилева) къ Богу Живому, Отцу и Спасителю всѣхъ людей, преимущественно — вѣрныхъ, созерцаемому въ Воплотившемся Сынѣ Божіемъ (1 Тим. 4, 10; Ин. 14, 9), — *„всѣмъ* сердцемъ своимъ, и *всею* душею своею, и *всѣмъ* умомъ своимъ“, т. е. *всѣмъ существомъ своимъ*, безъ всякихъ ограниченій личнаго эгоизма, всецѣло самоотверженнымъ единеніемъ съ своимъ Первообразомъ — Богомъ всего человѣчества. Такимъ образомъ языческую любовь къ своему я и къ любящимъ это я и іудейскую любовь къ ближнему своему какъ къ себѣ самому и самоотверженную любовь къ Богу своему — Израилеву, — христіанство возводитъ въ любовь ко всечеловѣчеству, претворяемому въ новочеловѣчество посредствомъ самоотверженной любви къ богочеловѣчеству. Такая любовь есть исключительно христіанская сила, возрождающая ветхаго (язычника и іудея) человѣка въ новочеловѣка по Христу Богочеловѣку (Рм. 8, 29, Гал. 4, 19 др. мн.).

¹⁾ или: на профитевите.

²⁾ Напаче жъ — пророчьте.